В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ
ДИВИЗИОННОЙ ШКОЛЫ
ПАРТИЙНОГО АКТИВА

ИСТОРИЯ СССР

Проф. К. В. БАЗИЛЕВИЧ

ПЁТР I
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ, ПОЛКОВОДЕЦ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР
Киев—1946

За нашу Советскую Родину!

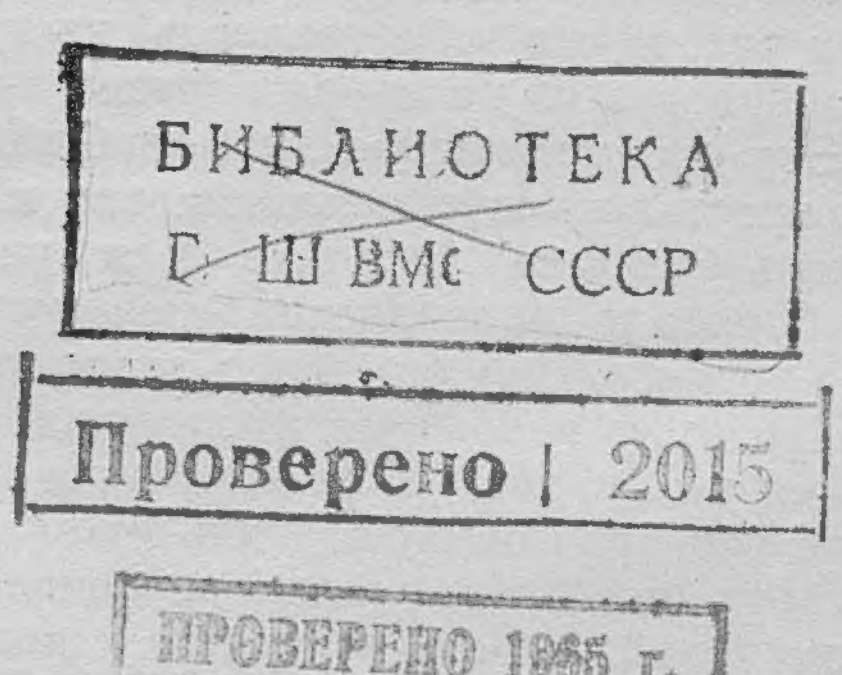
В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ
ДИВИЗИОННОЙ ШКОЛЫ ПАРТИЙНОГО АКТИВА

ИСТОРИЯ СССР

Проф. К. В. БАЗИЛЕВИЧ

ПЁТР I
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ, ПОЛКОВОДЕЦ

Военное Издательство
Министерства Вооруженных Сил СССР
Киев—1946

I

В течение XVII века Русское государство достигло больших политических успехов. Занимая огромную территорию от верховьев Днепра на западе до Тихого океана на востоке, оно являлось самой крупной мировой державой. Политическая роль России в международных делах значительно увеличилась. Был разрешён ряд важнейших вопросов внешней политики. Однако по сравнению с странами Европы, уже вступившими на путь капиталистического развития, Россия отставала как в области своего экономического развития, так и в устройстве своей государственной системы.

Экономическим фундаментом Российского государства в течение XVII века было натуральное феодальное хозяйство. Феодальное хозяйство не оставалось в неподвижном, застойном состоянии. На основе общественного разделения труда возникло большое число крестьянских промыслов и стало распространяться ремесленное производство в городах. В соответствии с естественно-географическими и рыночными условиями образовалось несколько районов, специализировавшихся на производстве того или иного продукта. Эту специализацию мы наблюдаем как в области мелких крестьянских промыслов, так и в городских ремёслах. Очень большое значение для развития внутреннего товарооборота и производства имело установление торговых связей Русского государства с западно-европейскими странами. При этом характер московской внешней торговли оставался таким же, каким он был и в предыдущее время. Внешняя торговля складывалась из экспорта сырья и полуфабрикатов, необходимых для развивающейся европейской мануфактурной промышленности, и ввоза готовых продуктов в Россию. В течение XVII века в России было основано не более двух десятков мануфактур — железоделательных, стеклянных, полотняных, бархатных и некоторых других. Однако доля мануфактурной продукции в общей массе производимого товара была крайне незначительна. Собст-

венное производство не могло удовлетворить возрастающие внутренние потребности и особенно военные нужды русской армии. Поэтому Россия экономически зависела от более развитых западно-европейских стран.

Экономической отсталости страны соответствовала отсталость государственной системы, существовавшей в форме феодальной монархии. Средства, которыми располагала усилившаяся во второй половине XVII века самодержавная власть, опиравшаяся на Боярскую Думу и многочисленные разнородные приказы, уже не соответствовали содержанию государственной власти. В это время в передовых государствах Западной Европы сложилась абсолютистская система, главными признаками которой являлись бюрократическое управление, постоянная армия и постоянные налоги.

В течение XVII века русская феодальная монархия находилась на пути перестройки. Боярская Дума перестала служить органом консервативной оппозиции. Были произведены изменения в составе приказов, укреплена связь между верховной властью и местным управлением. В целом мы можем отметить усиление тех элементов, которые должны были привести к сближению русской феодальной монархии с абсолютистскими государствами Запада.

Однако все эти частичные преобразования производились недостаточно смело, и старый аппарат власти в основном продолжал существовать в том виде, в каком он сложился еще в XVI веке.

Русские вооружённые силы при Алексее Михайловиче достигли в своем развитии значительных и важных успехов, но всё же это было недостаточно для того, чтобы превратить их в регулярную армию. Для разрешения крупнейших исторических задач, стоявших перед страной, русская армия в таком состоянии не могла служить сильным орудием внешней политики.

В результате тридцатилетней войны в Германии (1618—1648) и войн Людовика XIV с коалицией европейских держав во второй половине XVII века был накоплен огромный военный опыт, который оказал большое влияние на перестройку военной системы. Армии важнейших европейских стран быстро численно возрастают. Достаточно указать, что в начале царствования Людовика XIV французская армия насчитывала около 120 тысяч человек, а через сорок лет она была доведена до 350 тысяч. От Франции старались не отставать её противники. В Австрии армия насчитывала 130 тысяч человек, и даже маленькая Савойя имела до

30 тысяч солдат. Пруссия в начале XVII века при небольшой территории располагала 70-тысячной армией. Быстро возраставшая численность армий при длительных войнах, нередко тянувшихся десяток и более лет, предъявляла новые требования к боевой подготовке как отдельного солдата, так и войсковых соединений. Постоянные армии не могли существовать на основе добровольной или обязательной службы одного дворянства. Народные ополчения, собиравшиеся лишь в моменты опасности, грозившей государству, совершенно не удовлетворяли новым требованиям военного искусства. Выход из создавшегося положения в Западной Европе был найден в комплектовании войск при помощи вербовки наёмников, которая в принципе считалась добровольной, а в действительности при постоянном недостатке добровольцев приобретала обязательный характер. Армии западно-европейских стран стали не только постоянными, но и регулярными. Они получили штатное расписание, определённый численный состав для каждого подразделения, одинаковую одежду и вооружение. На основе опыта, извлечённого из больших войн XVII века, тактика всех родов оружия складывалась в определённую систему. Очень крупные успехи были достигнуты в области военно-инженерного искусства, блестящим представителем которого являлся французский инженер Вобан.

Таким образом, военное дело к началу XVIII века, воплотив многовековой опыт прошлого, стояло перед необходимостью крупнейших изменений, соответствующих всей социально-экономической и политической обстановке этого времени.

Особенно следует отметить быстрое развитие на Западе пехоты, связанное с усовершенствованием огнестрельного оружия. Московская пехота в виде стрелецкого войска и по организации и по подготовке не соответствовала условиям, предъявляемым военным требованиям того времени.

Сознавая неподготовленность своей армии, московское правительство еще в тридцатых годах XVII века, готовясь к войне с Польшей, сделало попытку сформировать в России несколько полков из иностранных наемных солдат и офицеров. При помощи посланных за границу находившихся на московской службе иностранцев были наняты и затем сформированы четыре полка пехоты. Однако боевые качества этих наемников оказались крайне низкими. Они ничем не были связаны со страной и не проявляли в боях надлежащей стойкости. Поэтому московское правительство

отказалось от дальнейшей вербовки наёмных войск и перешло к формированию русских полков, так называемого «иноземного» строя.

В течение 1630—1637 годов были сформированы 8 полков и одна рота солдат, один полк рейтарский и один полк драгунский, общей численностью примерно в 18 тысяч человек. Солдаты этих полков состояли из русских, а «начальные люди» (офицеры) преимущественно из иностранцев.

Во второй половине XVII века число полков иноземного строя продолжало увеличиваться, и в конце столетия по численности они составляли основную часть полевой армии. По описи 1681 года состав армии был следующий: дворян (московских, городовых и детей боярских городовой службы) 16 тысяч, стрельцов 22 полка — 22 тысячи, солдат 38 полков — около 60 тысяч, копейщиков и рейтар 25 полков — 30 тысяч. Таким образом, если не считать нерегулярную конницу, а также исключить вооружённых холопов, следовавших за дворянами, то полки иноземного строя составляли примерно 70% всей численности полевой армии.

Солдатские полки по сравнению со стрелецкой пехотой обладали рядом крупных преимуществ. Они имели лучшее и однообразное вооружение, более систематично обучались, но всё же и их нельзя считать вполне регулярными частями. Обучение в значительной степени зависело от опытности, умения и знаний командиров полков. Кроме того, солдаты, как и стрельцы, отвлекались для мирных хозяйственных занятий. Главный же недостаток заключался в том, что ни пехота, ни конница не приучались к маневрированию и выполнению тактических задач, а строевое обучение ограничивалось преимущественно внешней стороной.

Таким образом, Пётр I унаследовал от прошлого устарелую военную организацию, которая не соответствовала ни политической обстановке начала XVIII века, ни тем требованиям, которые определялись задачами внешней политики. Перед страной стояла неразрешённая задача — главнейшая историческая проблема — обеспечение выхода к свободному морю и приобретение незамерзающих портов.

Мог ли Пётр сохранить старую военную организацию в том виде, в каком он её унаследовал? Та жизненная политическая обстановка, в которой действовал Пётр, начиная с ранних лет своей жизни, решительно отвергала это предположение. Для Петра жизнь стала ареной борьбы и

борьба обращалась в жизнь. Жизнь поставила перед ним ряд трудных личных и политических преград. Пётр, ломая преграды, перестраивал и окружающую жизнь.

2

Пётр был младшим сыном царя Алексея Михайловича от второго брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Ему было всего три года, когда в 1676 году умер его отец. Власть перешла к старшему сыну от первой жены Алексея Михайловича (Милославской) — Фёдору Алексеевичу. Это был очень молодой и болезненный государь, но получивший относительно хорошее образование. В его недолгое царствование (1676—1682 гг.) было произведено несколько попыток по улучшению административного аппарата и усилению военной организации. Но эти реформы не были доведены до конца. Когда в 1682 году царь Фёдор умер, влиятельная группа придворной знати объявила царём Петра, хотя был жив его старший брат от первого брака Алексея Михайловича — Иван.

15 мая 1682 года произошло выступление стрелецких полков, в результате которого правительницей при двух малолетних царях Иване и Петре была объявлена их сестра Софья. Вместе с Софьей к власти пришла её родня из фамилии Милославских, оттеснившая от всякого влияния и участия в государственных делах родных Петра со стороны матери (Нарышкиных). Но для Петра этот переворот, несомненно, имел положительные результаты. По традиционному обычаю царские дети воспитывались до 15-летнего возраста в строгом уединении от окружающей жизни, их растили, как растят тепличное растение. Переворот 15 мая в значительной степени нарушил эту обычную систему воспитания молодого Петра.

Детство Петра проходило не в душной кремлёвской обстановке, а на вольном просторе подмосковных царских усадеб — в Коломенском, селе Воробьёве, в Преображенском. По сохранившимся описям предметов, посылавшихся Петру, мы можем представить себе, как с годами развивались интересы подрастающего ребенка. Сначала он занимался «потешными» книгами, картинками и игрушками, преимущественно военного характера: пушками, ружьями, саблями и другими предметами вооружения. Затем ему стали посылать оружие, из которого уже могла производиться «огненная» стрельба.

Вместе с Петром играли его сверстники, набранные для забав подрастающего царя из сыновей дворцовых служителей. Они составили ядро двух будущих гвардейских полков — Преображенского и Семеновского.

Пётр очень рано проявил большую и многообразную любознательность. Еще в детстве, услышав о существовании инструмента, при помощи которого можно определять расстояние до предметов (астролябии), он потребовал, чтобы этот инструмент ему был куплен и привезен из-за границы. С появлением астролябии Петр приступил к изучению арифметики, а затем и геометрии.

Однажды в старом дедовском амбаре Пётр нашел бот необычного устройства. Ему объяснили, что на этом английском судне можно плавать на парусах не только по ветру, но и против ветра. В соседней «немецкой» (иноземной) слободе был разыскан проживавший там голландец моряк Брандт, когда-то служивший на единственном корабле «Орёл», построенном в России при Алексее Михайловиче. С помощью Брандта Пётр стал плавать на боте по Яузе, а когда Яуза показалась тесной, он перенёс свои водные занятия на широкое Переяславское озеро.

Пока Пётр играл и воевал со своими потешными, назревали крупные события. Софья сознавала неустойчивость своего положения, так как не имела законных прав на престол. Если она пользовалась полной властью в качестве опекуна, то это объяснялось малолетством царей. Но время проходило, и Петр становился юношей. Софья радовалась пустяшным забавам своего соперника-брата, но всё же понимала, что потешные ребята подрастали вместе с Петром и превращались в хорошо обученных солдат, не только не уступавших, но и превосходивших по военной подготовке старые стрелецкие полки.

Осенью 1689 года произошёл разрыв. Когда Пётр узнал, что Софья готовится его арестовать, он ускакал в Троице-Сергиев монастырь. Борьба продолжалась около месяца и кончилась бескровной победой Петра. К Петру, под защиту прочных монастырских стен, пришли его «потешные» солдаты, некоторые стрелецкие части, значительное количество дворян. Троице-Сергиев монастырь наполнялся людьми, тогда как Кремлёвский дворец, в котором оставалась Софья, пустел. Софья принуждена была с повинной головой сдаться на милость брата. Она получила короткий и твёрдый приказ — итти в монастырь. Так с 1689 года началось царствование Петра.

В первые годы после свержения Софьи в деятельности Петра мы еще не замечаем крупных перемен. Оставив управление на попечение своей матери Натальи Кирилловны и ближайших бояр, Пётр продолжал военные занятия, которые с годами приобретали всё более серьёзный характер. Под Москвой он устраивал манёвры, на Переславском озере строил флот.

В 1693 году Петру удалось впервые побывать в Архангельске, увидеть настоящее море и проехать примерно 300 километров на иностранном корабле.

Вскоре скончалась царица Наталья Кирилловна. Пётр предпринял ещё одну поездку в Архангельск, к морю. Вернувшись в Москву с запасом новых морских впечатлений, он провёл большие манёвры под Кожуховым в обстановке, которая уже напоминала не потешное, а действительное сражение. Кожуховские манёвры были последними учебными боями перед первыми настоящими сражениями.

По условиям «вечного мира», заключённого между Россией и Польшей в 1686 году, Россия присоединилась к антитурецкой коалиции, состоявшей из Польши, Австрии и Венеции. В войне с Турцией Россия должна была действовать против турецких владений в Азовском и Черном морях и против Крымского ханства. Еще при царевне Софье в 1687 и 1689 годах были предприняты два неудачных похода московской армии под начальством князя Голицына на Крым. Во время первого похода армия, не справившись с трудностями степного перехода, не дошла даже до Перекопа и потеряла очень много людей из-за болезней, жажды и голода. Во время второго похода русская армия, хотя и осадила турецкие укрепления на Перекопском перешейке, но прорваться в глубь Крыма не смогла.

После неудачного крымского похода военные действия почти прекратились. Союзники России—Австрия и Польша готовы были, не считаясь с русскими интересами, заключить отдельный мир. Необходимо было кончать войну, но чтобы при заключении мира Россия заняла выгодное политическое положение, нужно было достигнуть военных успехов.

Основываясь на неудачном опыте Голицына, Пётр решает нанести удар не по Крыму, а по турецкой крепости Азов, запиравшей выход из Дона в Азовское море. В перспективе ему рисовалось приобретение морских портов в Чёрном море.

В 1695 году армия отправилась в первый азовский поход в составе около 31 тысячи человек, разделённых на три отряда-«дивизии» под начальством генералов Гордона, Головина и Лефорта. Основную часть армии попрежнему составляли стрелецкие полки. Кроме них, в походе участвовало несколько солдатских полков и два полка гвардейских — Преображенский и Семеновский, сформированные в 1691 году из бывших «потешных» ребят.

В начале июля Азов был блокирован с суши, но с моря турецкий флот имел полную возможность доставлять подкрепления и снабжать крепость необходимыми припасами.

При этих условиях осада могла затянуться на продолжительное время, и только штурм мог положить конец сопротивлению турецкой крепости, оборонявшейся стойким гарнизоном. Однако двукратно повторенный штурм не увенчался успехом; несмотря на обычную храбрость, проявленную русскими солдатами и офицерами. Командиры штурмующих частей проявили полную беззаботность и, готовясь к приступу, не запаслись даже лестницами и другими материалами, нужными для преодоления глубоких рвов и высоких валов. Между штурмующими колоннами не существовало ни связи, ни поддержки.

Первый штурм был отбит с большими потерями, хотя отдельные части действовали очень мужественно. Так, из 1 500 добровольцев, находившихся в колонне генерала Лефорта, 900 были убиты и ранены. «Они оставались на валах в течение двух часов после других, — сообщает Лефорт, — чтобы спасти три знамени, упавшие в турецкие рвы вместе с убитыми офицерами. Они предпочитали умереть, чем потерять свои знамена. Они вернули их».

Вина за неудачи отчасти падала и на самого Петра. Вместо того чтобы объединить действия наступающих колонн, он отправился руководить незначительным отрядом казаков. Поэтому в нужных случаях никто не мог разыскать царя.

Неудача под Азовом произвела большое впечатление на Петра и на окружающих его лиц, но бодрости Пётр не потерял.

Осенью русская армия, оставив наблюдательный отряд, вернулась на зимние квартиры. Готовясь к новому походу на Азов, Петр постарался извлечь некоторые уроки из неудачной осады. Одним из серьёзных недостатков в организации армии являлось отсутствие общего командования.

Впоследствии Петр был непримиримым врагом «многоначальства», но в первый поход под Азов он сам создал его, так как официально числился лишь простым бомбардиром.

Для второго похода был назначен единый главнокомандующий — князь Черкасский. Для руководства осадными работами были приглашены иностранные инженеры. Были также приняты меры к усилению дисциплины. Но главное внимание Петр уделил созданию лёгкого речного флота, при помощи которого можно было изолировать крепость со стороны моря. В течение зимы под Москвой были построены 23 галеры и 4 брандера, а на реке Воронеже и в верховьях Дона было сооружено несколько сотен грузовых судов для перевозки войск и припасов.

Вторая блокада Азова в 1696 году была полной. Осадные работы велись очень энергично. Успешно действовала артиллерия, превратившая турецкую крепость в груду развалин. На этот раз штурма не потребовалось: 19 июля 1696 года турецкая крепость сдалась.

Взятие Азова было первым крупным военным успехом Петра. Но Пётр понимал, что занятие устья Дона еще не открывало ему дороги к свободному морю, так как в турецких руках находились укрепления Керченского пролива. Война продолжалась. Турецкое государство располагало большой армией и могущественным флотом. Основные жизненные центры Турции находились на далёком расстоянии, вне досягаемости русских войск. Поэтому для продолжения войны Петру необходимо было, во-первых, укрепить и расширить союз европейских государств против Турции и, во-вторых, создать собственный черноморско-азовский флот. Для разрешения этих задач Пётр решил направить в Западную Европу «великое посольство».

В 1697 году посольство, численностью около 250 человек, отправилось на Запад. Пётр находился в составе посольства под вымышленным именем «урядника Петра Михайлова». В первых же письмах, отправленных с дороги в Москву, он поставил печать с вырезанной по его приказу надписью: «Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую» (я нахожусь в положении ученика и ищу себе учителей).

Основной целью поездки была Голландия, которая в качестве великой морской державы тогда играла большую роль в международных делах. В Голландии Пётр надеялся изучить искусство кораблестроения, необходимое для создания русского флота, и нанять нужное число разных специалистов.

В Голландии, сначала в Саардаме, а затем в Амстердаме, на верфях Ост-индской компании, Пётр с большим увлечением изучал кораблестроение. Свои знания в этой области он затем пополнил в Англии.

Одновременно великое посольство вело дипломатические переговоры, окончившиеся полным крушением первоначальных планов. Только за границей Пётр мог познакомиться с общей международной обстановкой. В это время внимание большинства западных дипломатов привлекал вопрос о судьбе «испанского наследства», т. е. обширных материковых и колониальных владений Испании. Королевским престолом в этой стране владел престарелый бездетный король Карл II Габсбург, смерти которого с напряжённым вниманием ожидали европейские дворы. Возник вопрос, кому будет передана испанская корона. Одним из наиболее сильных претендентов на неё был французский король Людовик XIV, основывавший свои притязания на династических связях с испанским королевским домом. Но великие морские державы Англия и Голландия не могли допустить такого усиления своей старой соперницы — Франции. В союзе с морскими державами находилась Австрия, стремившаяся сохранить в Испании королевскую власть за домом Габсбургов, а также некоторые второстепенные германские государства. В ожидании приближающейся войны на западе за «испанское наследство» Австрия спешила развязать себе руки на востоке Европы, что можно было сделать лишь заключением мира с Турцией.

Пётр убедился в тщетности попыток не только расширить европейский союз против Турции, но даже и удержать старых союзников. С другой стороны, он получил возможность познакомиться с политической ситуацией на Балтийском море, которая складывалась благоприятно для возобновления вековой борьбы русского народа за отторгнутое Швецией Балтийское побережье. В результате удачных войн XVII века Швеция захватила почти всю Прибалтику, от Ботнического залива до Северной Германии (Померании), и таким образом превратила Балтийское море, как любили говорить в Стокгольме, в «шведское озеро». Усиление Швеции восстановило против неё не только Россию, но и другие прибалтийские государства, особенно Польшу и Данию. Еще незадолго до путешествия Петра за границу саксонский курфюрст Август был избран польским королём и таким образом для своих военных предприятий получил возможность соединить саксонские и польские войска.

Пётр окончательно убедился в распаде антитурецкого союза в Вене, где он вёл личные переговоры с императором Леопольдом. В Вене же он получил тревожное известие о бунте стрельцов, пытавшихся воспользоваться отсутствием царя для дворцового переворота. Целью стрелецкого бунта было возведение на престол Софьи и уничтожение всех реформ, начатых Петром. Поэтому, бросив дальнейшие переговоры, Пётр из Вены поспешил в Москву. По дороге, проездом через Галицию, он имел двукратное свидание с польским королем и саксонским курфюрстом Августом II. В личных переговорах были заложены основы будущего союза против Швеции. Таким образом, вместо распавшегося антитурецкого союза создавался новый союз прибалтийских государств против Швеции в составе России, Польши, Саксонии и Дании.

3

Вернувшись в Москву из заграничного путешествия и расправившись с мятежными стрельцами, Пётр энергично принялся за дипломатическую и военную подготовку к войне со Швецией. Таким образом, фронт внешней политики и военных операций резко поворачивался с юга на север. Но этот поворот не был неожиданным. Он вытекал из исторических задач России, для которой Балтийское море было жизненно необходимым. Политическая обстановка, сложившаяся в Балтике, позволяла Петру направить всю свою энергию на разрешение этой важнейшей задачи.

Во время пребывания за границей Пётр главное внимание обращал на состояние морского флота и на кораблестроение и сравнительно мало изучал сухопутное военное дело. Последняя задача была поручена Адаму Вейде, сыну иноземного полковника, служившего в Москве. Вейде был послан Петром в Вену в 1696 году и, находясь в войсках Евгения Савойского, был свидетелем разгрома турок в сражении при Цейте, которое произвело большое впечатление как на Вейде, так и на самого Петра. Последний высоко ставил искусство австрийского полководца и с особой торжественностью отпраздновал его победу в Москве.

Вернувшись в Москву, Адам Вейде изложил результаты своих наблюдений и написал наставление для обучения русских войск, в рукописи, исправленное самим Петром. Это наставление было положено в основу обучения новых формирований перед войной со Швецией.

Осада Азова наглядно обнаружила плохие боевые качества стрелецких полков, а мятеж в отсутствии Петра — их политическую ненадёжность. После возвращения из заграничного путешествия Петр расформировал часть стрелецких полков. Взамен их в конце 1699 года было указано сформировать 30 полков «прямого регулярного войска». Для этого было велено собрать «даточных»: по одному человеку с каждых 25 крестьянских дворов на землях духовных владельцев и с 30—50 дворов на землях светских землевладельцев.

Брать указывалось преимущественно праздных людей: монастырских служек, конюхов, холопов. В то же время в Москве было объявлено, чтобы все желающие поступить в солдаты шли записываться в село Преображенское. Этим указом немедленно воспользовались частновладельческие холопы, массами покидавшие своих хозяев. Смотр и отбор людей производил сам Пётр.

Большие затруднения Пётр встречал в подборе командного состава. При недостатке русских офицеров ему пришлось использовать для этой цели иностранцев. Иноземный приказ, по требованию Петра, прислал около 300 «начальных людей», но половину последних пришлось сразу же прогнать, так как многие иностранцы, выдававшие себя за опытных офицеров, в действительности оказались полными невеждами в военном деле.

Этот неудачный опыт побудил Петра приступить к созданию собственного офицерского корпуса. «К чему мне тратить деньги на иноземцев, — говорил он, — когда мои подданные сумеют то же сделать, что и они».

Пока в Москве шли усиленные приготовления к войне, посланный в Константинополь на русском корабле дьяк Посольского приказа Емельян Украинцев вёл переговоры о заключении мира. Турецкие уполномоченные долго торговались из-за Азова. Лишь после 23 конференций, занявших около восьми месяцев, 3 июля 1700 года был подписан мирный трактат сроком на 30 лет. Россия получила Азов с прилегающей территорией. 18 августа Петр отпраздновал в Москве заключение мира. На следующий день была объявлена война Швеции.

Задержка с вступлением России в войну, вызванная длительными переговорами с Турцией, имела тяжёлые последствия для союзников. Дания и Польша (Август II в качестве саксонского курфюрста и польского короля) начали военные действия еще в марте 1700 года. Август с

саксонскими войсками осадил Ригу. В это же время датские войска вступили в соседнюю с Данией Гольштинию, находившуюся в союзе с Швецией. Англия и Голландия, рассчитывавшие на помощь Швеции в войне за «испанское наследство», оказали ей военную поддержку. Соединённая англо-голландская эскадра вошла в Балтийское море и помогла шведскому флоту высадить десант в окрестностях Копенгагена. Карл XII почти без сопротивления занял столицу Дании, а затем по миру в Травендале принудил датского короля отказаться от продолжения войны.

Вынужденное отпадение Дании от союза являлось очень большой потерей для России, так как лишало её помощи со стороны датского флота. Польша и Россия не имели ни одного корабля в Балтийском море. Мир с Данией обеспечил для Швеции полное господство в водах Балтики, что имело очень большое значение для операций сухопутной армии.

Возвратившись после лёгкой и быстрой победы из Дании в Швецию, Карл XII намеревался направиться против второго противника — Августа II, осаждавшего со своими саксонскими войсками Ригу, но вступление России в войну изменило его план.

Пётр начал войну наступлением на шведскую крепость Нарва, как обычно поступали и до него московские воеводы во время войн с Ливонией и Швецией. Крепость, преграждавшая коридор между берегом моря и Чудским озером, была хорошо вооружена и имела небольшой, но крепкий гарнизон в составе около полутора тысяч человек. Основная часть русской армии, выступившая в поход под Нарву, состояла из 18 пехотных полков нового формирования, укомплектованных молодыми, наскоро обученными солдатами. Только три полка (Преображенский, Семёновский и полк Лефорта) получили боевой опыт под Азовом. Кроме того, в армии находились пять стрелецких полков, мало пригодных для полевых операций, и значительный отряд нерегулярной конницы. Общая численность армии определялась в 35—40 тысяч человек. Осадная артиллерия, отправленная из Москвы, состояла из 181 орудия.

Главные силы армии подошли к Нарве в начале октября 1700 года. 20 октября осадная артиллерия начала обстрел бастионов и города, впрочем не причинивший существенного вреда хорошим каменным укреплениям. Уже в первые недели осады обнаружились многочисленные недостатки в организации, командовании, снабжении войск.

и их боевой подготовке. Обозы с продовольствием, с порохом и с припасами застряли на топких осенних дорогах. Осадная артиллерия после двухнедельной бомбардировки должна была почти прекратить стрельбу из-за отсутствия ядер и бомб. Материальная часть артиллерии оказалась очень низкого качества. Лафеты и оси ломались после нескольких выстрелов. Из-за недоброкачественности пороха точная стрельба была почти невозможна. Солдаты, оставшиеся без тёплой одежды, мёрзли и голодали. Осадные работы подвигались очень медленно.

Между тем под Нарвой было получено известие, что Карл XII высадился с армией на Эстляндском побережье.

Для разведки противника в сторону Эстляндского побережья был послан Шереметев с дворянской и нерегулярной конницей. Шереметев воевал по-старому. Глубокой разведки противника он не вёл, но зато разорил окружающие места и этим поставил свои войска в крайне тяжёлое положение, так как оставил их без хлеба и фуража. Узнав от пленных о движении шведской армии, он окончательно растерялся и стал отходить, ссылаясь на трудные условия войны. Пётр был сильно возмущён отступлением Шереметева и послал приказание немедленно вернуться обратно. Но было уже поздно. Карл XII подходил к Нарве.

Накануне сражения Пётр уехал из армии в Новгород. Совершенно несправедливо было бы объяснить причину отъезда недостатком личного мужества. Пётр и раньше, под Азовом, и позже, во всех тех сражениях, в которых принимал личное участие, показывал примеры храбрости, а порой и большой неосторожности. В момент подхода Карла Пётр был занят другими важными заботами, вытекавшими из создавшегося политического и военного положения. Пётр имел основание предполагать, что польский король Август II готов заключить отдельный мир с Швецией, к чему его особенно склоняли голландские и английские уполномоченные.

Нужно было во что бы то ни стало удержать Августа II от заключения мира и привести в порядок ближайший тыл, чтобы пополнить армию войсками и недостающими припасами. При отъезде из армии Пётр назначил главнокомандующим герцога де-Круа, в военную опытность которого верил. Этот выбор был, несомненно, неудачным, но среди неопытных людей, окружавших Петра, и не было другого лица, которому можно было бы доверить командование войсками.

Утром 19 ноября шведы вышли из леса и появились на возвышенностях перед расположением русских войск. Линия русского фронта протяжением в 7 километров была чрезвычайно растянута; при этом в боевом порядке находилось не более половины всего осадного корпуса, вторая половина была оставлена в качестве заслона против крепости.

Сражение началось ожесточённой канонадой, продолжавшейся до полудня. Затем шведы перешли в наступление. В этот момент поднялась снежная метель, бившая в глаза русским солдатам. Под её прикрытием шведы приблизились к линии русских укреплений, завалили ров фашинами и бросились на приступ. После рукопашного боя тонкая линия русского расположения была прорвана. Хотя положение можно было еще восстановить, вводя в бой резервы, но никто не отдал для этого нужных распоряжений. Среди солдат, не доверявших иностранцам-командирам, большинство которых не понимало даже русского языка, быстро распространилась молва, что «немцы нам изменили». Поднялась паника. Шереметев с конницей одним из первых бросился на противоположный берег реки. За ним последовали в беспорядке части различных полков. При переправе утонуло до тысячи человек. Однако лучшие полки, в том числе гвардия, не поддались этой панике и до наступления темноты стойко отбивали все атаки шведов. Карл XII принужден был согласиться на пропуск этих частей (с сохранением ручного оружия) в русскую сторону.

Так закончилось сражение под Нарвой. Русская армия потерпела серьёзное поражение. Очень тяжёлой являлась потеря всей артиллерии — 177 орудий.

Известие о поражении под Нарвой Пётр принял с мужественным спокойствием. «Я знаю, — говорил он, — что шведы ещё несколько раз побеждать нас будут, но, наконец, научимся сим побеждать их и мы». Впоследствии, составляя историю шведской войны, Пётр так оценил военное значение этого сурового урока: «И тако шведы над нашими войсками викторию (победу) получили, что есть бесспорно: но надлежит разуметь, над какими войсками оную учинили? Ибо только один старый полк Лефортовский был (который перед тем назывался Шепелева); два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, а полевых боёв, а наипаче с регулярными войсками никогда не видали... И единым словом сказать, всё то дело яко

младенческое играние было, а искусства ниже вида; то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над таким неискусным сыскать викторию?»

Обозревая дальнейший ход войны, Пётр видел в поражении, раскрывшем недостатки военной организации, особую «милость божию»: «Ежли бы нам тогда над шведами виктория досталась будучи в таком неискусстве во всех делах как воинских, так и политических, то в какую бы беду после нас оное щастие вринуть могло».

С необычайной энергией Пётр тотчас после поражения под Нарвой принялся за укрепление обороны и улучшение всей военной системы. «Нарва, — писал Маркс, — была первой большой неудачей подымающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы» (Соч., т. X, стр. 227).

Прежде всего необходимо было привести в порядок войска, вернувшиеся «с конфузией» из-под Нарвы. К середине декабря в Новгороде уже собралось около 23 тысяч человек. Для пополнения армии был произведен новый набор, причём в солдаты принимались все желающие, за исключением лишь бывших московских стрельцов. Разрешалось даже брать крепостных крестьян. Охотников нашлось очень много. Часть, их, наиболее сильных и рослых, отобрали в гвардию. Остальные были отправлены на пополнение старых и на формирование новых полков. В течение зимы было сформировано 10 драгунских полков, численностью в одну тысячу человек каждый.

Пётр издал указ, повелевавший со всего государства с церквей и монастырей собрать колокола для переливки в пушки и мортиры. Пётр говорил: «Чтобы иметь артиллерию, для которой нет меди, думаю я по необходимости взять лишние колокола, которые делают только пустой трезвон. Перелив их в пушки, загремлю ими против шведов полезным отечеству звуком».

Андрей Виниус, являвшийся начальником Пушкарского приказа, с таким рвением принялся за это дело, что к концу мая 1701 года в Москву было свезено 90 тысяч пудов колокольной меди, из которой после прибавления необходимых сплавов было вылито свыше 300 новых орудий, вдвое больше, чем потеряно. При этом материальная часть впервые получила однообразное устройство как в отношении типов, так и в отношении калибров.

В первую неделю после сражения под Нарвой Пётр ожидал возможного наступления шведов. Необходимо было поэтому позаботиться об укреплении пограничных районов. В наиболее угрожаемом положении находились Псковский и Новгородский районы, а также на севере город Архангельск, где ожидался шведский флот. На оборонительные работы в городах было выведено все трудоспособное мужское и женское население. Пётр сам наблюдал за работами и строго наказывал уклоняющихся. Когда однажды он не застал на работе подполковника Шеншина, то приказал его наказать плетьми и разжаловать в солдаты.

В эти тревожные месяцы Пётр буквально носился по стране, распоряжался, подталкивал нерадивых и давал, как всегда, выразительные, но короткие указания.

Окунувшись с головой в организационные заботы, Пётр не забыл и самого главного — противника. Нужно было вывести войска из состояния растерянности и пассивности, явившегося одним из самых вредных результатов поражения. Через три недели после поражения под Нарвой Шереметев, командовавший конницей, получил приказ итти вперёд для нанесения вреда неприятелю. При этом Пётр предупреждал своего генерала, что никаких оговорок слушать не будет: «Не чини отговорки ничем, а буде болезнью, и та получена меж беглецами, которых товарищ майор Лобанов на смерть осуждён» (намёк на майора Лобанова, который был наказан за малодушие, проявленное в сражении под Нарвой).

Между тем Карл XII под впечатлением легко одержанной победы составил себе совершенно неверное представление о боеспособности русской армии. Вначале он предполагал продолжать наступление на Новгород и дальше, в глубь России. По рассказам одного из шведских генералов, в палатке короля висела карта с прочерченным путём на Москву. Однако большинство генералов настаивало на перенесении действий против польского короля Августа II, так как считало, что русская армия не является больше серьёзным противником. Простояв некоторое время около Дерпта и пополнив войска людьми и запасами, Карл двинулся к Риге. На левом берегу Западной Двины в июле 1701 года он наголову разбил саксонский корпус генерала Штейнау. Вскоре после этого, оставив для обороны Лифляндии корпус Шлиппенбаха, король с основной частью армии ушёл в Польшу.

Пётр с восторгом принял известие об уходе шведского короля, так неожиданно предоставившего ему передышку для реорганизации армии. Пренебрежительное отношение шведов к русской армии было немедленно наказано. Шереметев, воспользовавшись бездействием Шлиппенбаха, стоявшего недалеко от Дерпта, в конце декабря 1701 года скрытно подошел к лагерю шведов около мызы Эрестфер и нанес Шлиппенбаху жестокое поражение. Шведы потеряли убитыми около 3 тысяч, 370 человек были взяты в плен. Это была первая победа, одержанная в полевом бою и притом при незначительном численном превосходстве над противником (у Шереметева — 8 тысяч, у Шлиппенбаха — 7 тысяч).

Пётр был в восторге от победы. «Слава богу, — сказал он, — мы можем, наконец, бить шведов». Шереметев был возведен в чин генерал-фельдмаршала, награды получили все участники сражения.

Ни Шлиппенбах, ни Карл не извлекли урока из неудачи. Корпус Шлиппенбаха хотя и был восстановлен, но держался пассивно, ожидая, повидимому, подкрепления из Швеции.

Летом 1702 года Шереметев нанёс шведам новое, ещё более серьёзное, поражение при деревне Гуммельсгоф. На этот раз шведы потеряли 5 500 убитыми, всю артиллерию, знамёна, много пленных. Следствием русской победы было освобождение большей части Лифляндии, в которой осталось только несколько укреплённых городов, занятых шведскими гарнизонами.

Нанеся ряд сильных поражений шведам в Эстляндии и Лифляндии, Пётр заставил противника на этом театре военных действий перейти к пассивной обороне. Благодаря этому он получил возможность сосредоточить главные усилия и средства для разрешения важнейшей стратегической задачи — овладения всем ладожско-нарвским районом с выходом в восточную часть Финского залива. Укрепившись на Ладожском озере, Пётр в октябре 1702 года штурмом овладел хорошо укреплённой крепостью Нотебург, находившейся на острове при выходе Невы из озера. Эта крепость, построенная еще новгородцами в XIV столетии, носила раньше русское название Орешек. Пётр переименовал ее в Шлиссельбург, т. е. в «ключ-город», указывая этим названием на стратегическое значение крепости, являвшейся ключом к реке Неве, впадающей в Финский залив.

Следуя дальше вдоль Невы, Петр в конце апреля подошёл к устью реки. 1 мая 1703 года после слабого сопротивления ему сдалась шведская крепость Ниеншанц, находившаяся на берегу Невы, у впадения в неё Охты. Вблизи этого места Петр 16 мая 1703 года положил первые камни в основание будущего русского города и столицы — Санкт-Петербурга, ныне Ленинграда.

Таким образом, Пётр настойчиво осуществлял основной стратегический план по овладению Балтийским побережьем. В 1704 году была взята Нарва. Петр придавал особое значение тому обстоятельству, что победа была одержана на месте тяжёлого поражения и, таким образом, изгладила тяжёлые воспоминания, оставшиеся от первой неудачи. «Нарва, которая четыре года нарывала, наконец, прорвала», — сказал Петр.

Под Нарвой начался путь русской армии к Полтаве, путь от поражения к победе. Но чтобы добиться победы в генеральном сражении, нужно было превратить армию в регулярную и овладеть военным искусством. Это и произошло в промежуток времени между двумя историческими битвами.

Как все великие люди, Пётр обладал высокоразвитым чувством реальности, умением на основании множества мелких наблюдений приходить к важным обобщающим выводам. Данные военного опыта Петра, переработанные его творческим сознанием, превращались в идеи, которые давали общее направление военной реформе.

Одним из важнейших вопросов была система комплектования войск. Имея в прошлом в общем удачный опыт, Пётр перешел к системе набора даточных, причём даточные стали браться не только с землевладельцев, но и из числа государственных крестьян и посадских жителей. Пётр указал присылать их на смотр в двойном числе, чтобы иметь возможность производить отбор. Эта система комплектования окончательно сложилась к 1705 году, заменив собой все остальные способы пополнения солдатского состава армии. С этого года слово «даточный» было заменено словом «рекрут».

Рекрутские наборы, ставшие общегосударственной военной повинностью, давали в среднем ежегодно около 40 тысяч человек в возрасте от 15 до 20 лет. Отобранные рекруты посылались в особые лагери, где их обучали по «артикулу» солдатскому строю «единообразно и непрерывно, чтобы рекруты к походу, куда их впредь спросят, были во всякой

готовности и дабы в полки не сущими мужиками, но отчасти заобычайными солдатами пришли».

Россия, первая из европейских государств, перешла на обязательную военную повинность, которая в большинстве других стран была введена только во второй половине XVIII века. Эта система дала русской армии огромные преимущества в отношении её социального состава. В то время как большинство солдат других армий состояло из навербованных наемников самого разнообразного происхождения, русская армия в основном была крестьянской, и поэтому сохраняла тесную связь со своим народом. В наёмные армии, особенно в прусскую, поступало значительное число лиц с уголовным прошлым, часть которых в солдатском мундире видела средство избежать преследования со стороны закона. В русской армии при наборе рекрут руководствовались не только физическими, но и нравственными качествами. Пётр запретил принимать в рекруты лиц, опороченных каким-либо преступлением. Пётр всюду проводил взгляд на солдата как на защитника родины и на службу его как на одну из самых почётных обязанностей гражданина. В широком смысле солдатом, по мнению Петра, был каждый воин — от рядового до главнокомандующего.

Замечательное по простоте и ясности определение солдата находится в уставе «Об экзерциции» 1715 года: «Имя солдата просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от вышнего генерала даже до последнего мушкетера конного и пешего».

Петр воспитывал у русских солдат любовь к родине и ненависть к врагу. Петр использовал зверства шведов над русскими пленными, чтобы укрепить в солдатах и офицерах непримиримое отношение к противнику.

Английский посол Витворт сообщает о следующем случае в 1705 году. Во время одного из праздников, на котором присутствовал посол, царь приказал ввести в комнату русского солдата, захваченного шведами в плен при беспорядочном отступлении саксонских и польских войск. Пленный рассказал, что он был взят с 45 товарищами, большей частью больными. Несколько месяцев спустя шведы отрезали русским пленным по два пальца правой руки, а затем отпустили их на родину для возбуждения страха. Глубоко взволнованный таким поступком, Пётр при всех заявил, что хотя шведы и стараются выставить русский народ варварами, но он может призвать весь мир и тысячи шведов, на-

ходящихся в плену в России, свидетелями, что никогда ни с одним из шведов так не поступали. Пётр добавил, что пострадавших солдат ему, конечно, очень жаль, но поступок шведов весьма назидателен: он велел зачислить в каждый полк по одному из пострадавших, как живой образец товарищам, чего можно ожидать от беспощадного врага в случае плена или поражения.

Другим важнейшим делом для развития регулярной армии было создание офицерских кадров. Здесь Пётр встретился с очень большими затруднениями. Старая, допетровская армия не могла дать таких кадров. «Начальные люди» солдатских и стрелецких полков, за небольшим исключением, не удовлетворяли тем строгим требованиям, которые в соответствии с опытом войны предъявлял Пётр к офицерам. Для воспитания и образования офицерского корпуса требовался значительный срок, а в условиях войны, при большой убыли в сражениях и возраставшей численности армии, подготовка опытных офицеров представляла особые трудности.

Отсутствие готового русского офицерского состава заставило Петра приглашать иностранцев, что он, впрочем, делал с большой неохотой. Поведение многих иностранных офицеров в сражении под Нарвой вызвало справедливое негодование солдат. Не имея возможности в дальнейшем совершенно отказаться от иностранной помощи, Пётр по штатам 1711 и 1712 годов ограничил число иностранных офицеров до одной трети и при каждом возможном случае заменял их русскими. После того как на войне выдвинулись опытные и талантливые русские войсковые начальники, Пётр перестал доверять иностранцам руководящие посты в армии.

В основу производства в офицерские чины Пётр положил два принципа: наличие необходимых знаний и боевые заслуги. При этом знатность происхождения не играла никакой роли. Придавая исключительное значение боевому опыту, Пётр превратил гвардейские полки в своеобразные практические школы для подготовки офицерских кадров. Пётр считал, что только в том случае офицер может командовать солдатами, если он сам хорошо знает солдатские обязанности. Поэтому каждый офицер должен был предварительно пройти солдатскую службу. Этот порядок окончательно был утверждён по указу 1719 года.

Для правильного прохождения службы большое значение имело установление иерархической системы офицерских

должностей — чинов, соответствующих командному положению каждого. Основные элементы этой системы сложились еще в конце XVII века. В начале семидесятых годов этого столетия в солдатских полках существовали следующие звания: полковник — командир полка, полуполковник — его помощник, капитан — командир роты, поручик — его помощник, прапорщик — ротный знаменоносец. В 1698 году, когда полки были разделены на батальоны, был прибавлен чин майора — батальонного командира.

В последующие годы в названиях чинов происходили небольшие, несущественные изменения. Окончательную форму система офицерских должностей приняла с изданием в 1722 году «Табеля о рангах». Все чины военные (сухопутные и морские) и гражданские были разделены на 14 классов с установлением точного соответствия между ними по каждому роду службы.

Одновременно с организацией личного состава Пётр усиленно занимался строевой и боевой подготовкой. Пётр требовал, чтобы не только офицеры, но и рядовые постоянно изучали и повторяли «воинские артикулы». В инструкции Нарышкину, написанной в 1708 году, содержались точные указания относительно характера строевого и полевого (боевого) обучения. По этой инструкции обучение новобранцев должно было производиться отдельно от обучения старых солдат. Старых солдат следовало «непрестанно тому обучать, как в бою поступать». Одиночное обучение должно было предшествовать упражнениям в составе подразделений. Главное внимание обращалось на то, чтобы солдаты были приучены к маневрированию в поле, в условиях, близких к боевой обстановке.

В 1712 году на основании накопленного опыта Пётр приступил к составлению воинского устава. Текст его был утверждён Петром в 1716 году, и в этом же году «Воинский устав» был издан. «Воинский устав» — замечательный памятник русского военного законодательства. Устав включал перечисление воинских должностей с объяснением обязанностей каждого, правила внутренней, гарнизонной и полевой службы. В нём соединялись обобщения собственного боевого опыта с заимствованиями из лучших уставов иностранных армий. Ряд положений устава представлял собой развитие тактических взглядов самого Петра, которые отличались большой оригинальностью и смелостью. Особенно следует отметить введение резерва, впервые появившегося в западно-европейских армиях только в сере-

дине XVIII века, и организацию для глубоких маневренных операций лёгких корпусов (корволанта), состоявших из конницы и пехоты, посаженной на лошадей или на телеги. В целом устав, написанный точным и образным языком, несомненно, должен быть отнесен к наиболее выдающимся памятникам военного искусства. В русской армии он переиздавался в течение XVIII века девять раз, а в первой половине XIX века еще шесть раз.

Около этого же времени был создан военно-уголовный кодекс, необходимость в котором остро ощущалась еще в конце XVII века. При составлении его частично было использовано шведское уголовное законодательство Густава Адольфа в редакции 1683 года, являвшееся по полноте, стройности и ясности изложения наилучшим кодексом военно-уголовных законов того времени. Кроме того, были использованы отдельные военные законы и некоторых других стран, в том числе Дании, Голландии и Франции. Окончательная редакция текста принадлежала самому Петру. Сохранилась подлинная рукопись его, содержавшая 76 поправок, сделанных рукой Петра.

Так постепенно, в ходе войны русская армия, теряя последние остатки старой военной организации, превратилась в стройный, закалённый и сильный организм. Победы Шереметева в Эстляндии в 1701—1702 годах, освобождение при участии самого Петра районов Ладожского озера и Невы, появление первых русских судов в Финском заливе, занятие Дерпта и Нарвы — все эти крупные военные успехи в корне изменяли существовавшее за границей представление о русской армии. Иностранные посланники в своих донесениях с удивлением отмечали быстроту, с которой русская армия принимала новый облик. «Московскую пехоту всюду очень хвалят, — писал английский посол из Вильно в 1708 году, — и полк, который при мне вступил в город два дня тому назад, шёл в отличном порядке». При этом английский посол видел русскую пехоту не на специальном смотру, а в походной обстановке. «Пехота вообще обучена очень хорошо, — писал он в одном из следующих донесений, — и офицеры говорили мне, что не могут надивиться рвению простых солдат к делу с тех пор, как им уяснили лежащие на них обязанности». Не менее хорошего мнения английский посол был о русской артиллерии: «Артиллерия в настоящее время замечательно хорошо устроена, и генерал Огильви (саксонский генерал на русской службе) говорил мне, что ни у одного народа не встречал такого

умения обходиться со своими пушками и мортирами, как в прошлом году (в 1704 г.) у русских под Нарвой».

Английский посол предвидел в ближайшем будущем превращение России в военно-морскую державу. «Так царь положил широкое основание развитию своих морских и сухопутных сил. Мощью собственного гения и почти без посторонней помощи он достиг успехов, превосходящих всякие ожидания, и вскоре, конечно, возведёт своё государство на степень могущества, грозного для соседей, особенно для Турции».

Но никто лучше самого Петра не знал русской армии со всеми её положительными качествами и недостатками. Пётр никогда не впадал в уныние при неудаче и не терял голову от успехов. При всех обстоятельствах он твёрдо верил в возможность полной победы над врагом, от которой зависела судьба России. Но самоуспокоение Пётр считал величайшим злом в военном деле.

В 1705 году Шереметев потерпел серьёзную неудачу в Прибалтике и впал в отчаяние. Петр, всегда строгий к ошибкам своих генералов, на этот раз считал необходимым утешить Шереметева. «Не извольте о бывшем несчастьи печальным быть,— писал он,— понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу... Забудьте и паче людей ободряйте».

Так, в промежуток времени между поражением под Нарвой и началом похода Карла XII на Россию русская армия, приобретая недостававший ей боевой опыт, превращалась в регулярную армию, готовую встретить могущественного противника.

4

Погоня за Августом II заняла у Карла около шести лет. Только в 1706 году, заключив Альтранштадтский мир, Карл развязал себе руки для действий на восточном театре, где должна была решаться судьба войны.

В конце декабря 1707 года Карл XII перешёл Вислу и начал поход в Россию. Перед началом похода шведы располагали следующими силами.

Главная часть армии под предводительством короля насчитывала около 35 тысяч человек, представлявших цвет вооружённых сил Швеции. Это были наиболее испытанные и опытные части, воспитанные на победах, одержанных на полях Польши и Саксонии. Около 8 тысяч человек были оставлены в Польше для поддержки шведского ставленника

на польском престоле — Станислава Лещинского. В Риге был расположен корпус Левенгаупта в составе 16 тысяч человек. Финляндию защищало около 12 тысяч человек. Таким образом, помимо ожидавшегося пополнения из Швеции, Карл располагал армией около 70 тысяч человек.

Русская армия, противостоявшая противнику, достигала 90—100 тысяч человек. 60—70 тысяч под командованием Шереметева составляли главные силы армии, предназначенные для действия против Карла, 20 тысяч во главе с Апраксиным были оставлены для защиты Петербурга. В Пскове находился пятитысячный отряд казаков. Кроме того, в ряде городов имелись гарнизонные части. Украинское казачество должно было прикрывать Волынь. Хотя на русской стороне и имелся более или менее значительный перевес в численности войск, но русской армии необходимо было защищать огромную государственную границу и вести борьбу с очень активным противником, планы которого не были известны.

План действий Петра был разработан на совещании с генералами в местечке Жолкеве в декабре 1706 года. В противоположность распространённой на Западе системе обороны посредством устройства длинных укреплённых линий с опорными пунктами («кордонной» системы), Пётр решил не разбрасывать армию, а держать основные силы собранными. При наступлении противника предполагалось уходить в глубь страны, уклоняться от генерального сражения, но при всех возможных случаях наносить ему урон и задерживать на переправах.

Чтобы затруднить движение шведов, Пётр велел увезти или уничтожить запасы продовольствия во всех пограничных районах, тянувшихся широкой полосой в 200 километров глубиной от Пскова до Украины. Петр знал, что шведская армия не имела постоянных магазинов для снабжения и не везла с собой значительных запасов.

Начиная русский поход, Карл в противоположность Петру не имел определённого плана действий. Вначале, еще будучи в Польше, Карл склонялся к мысли направиться в Прибалтику, что давало шведам значительные преимущества: сокращение линий коммуникаций, возможность соединиться с Левенгауптом, действовать в хорошо известной местности, иметь короткую связь с Швецией, откуда должны были поступать необходимые припасы и пополнение.

В январе 1708 года шведы заняли Гродно, выбив из города небольшой отряд русских драгун. Известие о выступле-

нии противника было получено Петром в январе 1708 года в Москве во время обеда в доме Меншикова. «Хотя это известие и старались сохранить в тайне,—сообщает английский посол, — заметно было, что оно не мало смутило настроение гостей». Пётр, однако, сохранил полное самообладание. Он до вечера оставался на новогоднем празднике, затем посетил все дома, в которых решил побывать на святках, и только после этого, но с некоторой поспешностью отправился к армии.

8 февраля Карл вошёл в Сморгонь. Таким образом, начало кампании как будто подтверждало предположение, что король намерен направиться к юго-восточной Прибалтике. Все движения шведов носили порывистый характер. Стремительные броски чередовались с длительными остановками и напрасной потерей времени. Было ясно, что Карл стремился настигнуть русские войска и принудить их к сражению. Но русская армия, выполняя план, принятый в Жолкеве, уклонялась от боя и отходила на восток.

Пётр находил, что время для «генеральной баталии» еще не пришло. Высоко оценивая боевые качества своей армии и недооценивая силы русских, Карл был убеждён в лёгкой победе.

В Сморгони Карл довольно неожиданно принял решение изменить первоначальное направление похода и вести армию на Смоленск и Москву. Большинство военных историков считает это решение стратегической ошибкой. Действительно поход шведской армии в Лифляндию избавлял её от многих трудностей, встретившихся на московской дороге. И если Карл всё же отдал предпочтение направлению на Москву, то для этого у него были особые причины.

Наступление весенней распутицы задержало шведов на зимних квартирах. Только в начале июня 1708 года, сосредоточив армию у Минска, Карл форсированным маршем двинулся к Березине. Приближение шведов к Березине было заблаговременно обнаружено русской разведкой, что позволило Меншикову во-время стянуть войска на линию Шклов — Могилёв с целью прикрыть переправу через Днепр. 3 июля Карл атаковал и разбил дивизию генерала Репнина у села Головчино. По существу, это было лишь неудачное для русских арьергардное дело, ничем не отразившееся на стратегическом положении сторон. Но Карл хотел представить его как крупную победу шведов и даже выпустил медаль с надписью: «Побеждены леса, болота, оплоты и неприятель».

После боя у Головчино русская армия отошла на левый берег Днепра, прикрывая Смоленск. Карл сначала проявил намерение обойти Смоленск с юга. 10 сентября шведская армия достигла крайнего пункта своего похода на восток — деревни Стариши, лежавшей на старой государственной границе, к юго-западу от Смоленска. Отсюда Карл неожиданно повернул свои войска на Украину. Уход Карла на юг означал отказ от наступления на центральные области государства и был, несомненно, огромной стратегической победой Петра. Шведская армия была заведена в тупик. Карл, наконец, понял, что в случае продолжения похода на восток армия будет поставлена на край гибели. Со времени перехода через Неман шведская армия не одержала ни одной значительной победы, но понесла огромные потери, была истощена и нуждалась в отдыхе.

С уходом на Украину линии шведских коммуникаций становились ещё более уязвимыми. Пётр блестяще воспользовался этим своим преимуществом и 28 сентября 1708 года нанёс у деревни Лесной, на реке Сожи, полное поражение корпусу Левенгаупта, спешившего из Риги на соединение с Карлом. У Левенгаупта было около 16 тысяч человек, тогда как у Петра — около 12 тысяч. Шведы оставили на месте боя до 8 тысяч убитыми и потеряли более 500 человек при преследовании. В плен было взято 45 офицеров и 700 солдат. В руки русских попало более 5 тысяч повозок с продовольствием, 17 орудий и много знамён. Все потери русских исчислялись тысячей убитыми и около 3 тысяч ранеными. Пётр впоследствии называл это сражение матерью полтавской баталии, особенно замечательной тем, что она была одержана над превосходящими силами противника.

Победа при деревне Лесной сыграла очень крупную роль в поднятии морального состояния войск, которому Пётр всегда придавал большое значение. Она уничтожила последние сомнения в высоких боевых качествах молодой русской армии, которая ни в чём не уступала противнику: ни в организации, ни в подготовке, ни в искусном руководстве. На стороне русской армии находились, кроме того, очень важные преимущества: она сражалась на полях родной земли с противником, вторгнувшимся в пределы России. Между тем стойкость шведов в значительной степени основывалась на вере в «непобедимость» короля. Стоило только потерять эту уверенность, как шведская армия вместе с ней лишалась и своего воинственного духа.

Несмотря на благоприятную обстановку, сложившуюся после сражения у деревни Лесной, Пётр ни на минуту не ослаблял мер предосторожности и продолжал настойчиво улучшать все стратегические условия для выигрыша будущего генерального сражения.

Параллельное преследование шведской армии, уходившей на юг, — блестящий пример маневренной способности русской армии. Пётр дал Карлу уйти на Украину, но перехватывал все дороги на восток. На Украине Карл убедился, что ни одно из его предположений не оправдалось. Он ошибся в надежде, что гетман украинского казачества Иван Мазепа окажет ему достаточно сильную поддержку. Мазепа действительно изменил своему народу и России и перекинулся в лагерь шведского короля. Но с собой Мазепа привёл не обещанную украинскую армию, а только отряд казаков численностью не более 3 тысяч человек. Документальная переписка устанавливает враждебное отношение украинского населения к шведской армии. На Украине началась партизанская война. Крестьяне жгли сено, овёс, увозили припасы, забирали имущество, покидали деревни, уходили в леса, соединялись с подразделениями регулярных частей, нападали на шведские обозы — словом, мешали шведам на каждом шагу.

Потеряв несколько зимних месяцев на Украине и не приобретя ни одного из ожидаемых преимуществ, Карл в начале апреля 1709 года осадил небольшой укреплённый украинский город Полтаву на реке Ворскле. Гарнизон Полтавы насчитывал около 4 тысяч солдат, к которым могли присоединиться до 2 500 вооружённых жителей. Карл не сомневался в том, что после первого приступа Полтава будет в его руках. Однако героические защитники Полтавы отбивали приступ за приступом шведской армии и наносили ей жестокие потери.

Петр, находясь в Воронеже, внимательно следил за положением Полтавы. Он знал, что, несмотря на проявленное мужество гарнизона, положение Полтавы становится очень тяжёлым вследствие нехватки продовольствия и снарядов.

В конце мая главные силы русской армии были сосредоточены против осаждённой шведами Полтавы на левом берегу Ворсклы. Последовали новые отчаянные штурмы шведов, отбитые защитниками города.

4 июня под Полтаву прибыл сам Пётр. В пустой бомбе было перекинуто в город письмо, в котором Петр благодарил гарнизон за подвиги и обещал скоро освободить его

от осады. В ответ Пётр получил от коменданта Полтавы заверения в несокрушимом мужестве гарнизона; вместе с тем комендант извещал, что пороха осталось в городе не больше как на две недели.

Тогда был созван военный совет, решивший дать шведам генеральное сражение. 20 июня русская армия перешла около деревни Петровки на правый берег Ворсклы. 21 и 22 июня шведы сделали последние отчаянные попытки овладеть Полтавой. Под набатный звон население города вместе с солдатами сражалось на крепостных валах, дралось камнями, косами, копьями. Ожесточённые приступы вновь были отбиты с громадными потерями для противника. Русская армия продвинулась ближе к Полтаве и расположилась в укреплённом лагере; левый фланг её упирался в густой лес у села Яковцы. Перед фронтом находилась открытая равнина, с северо-запада, у села Будище, ограниченная лесом; тыл лагеря замыкался крутым спуском к реке, через которую были наведены мосты.

Пётр велел в узком промежутке между двумя лесами, по которому проходила дорога к Полтаве, построить шесть отдельных редутов на расстоянии ружейного выстрела один от другого. Перпендикулярно к ним было заложено ещё четыре редута, но их не успели окончить к началу сражения. Это был первый случай применения подобного рода сомкнутых укреплений в полевом бою.

Русская армия состояла из 58 батальонов пехоты, 17 полков конницы и 72 орудий. Всего в строю находилось около 42 тысяч человек. Шведская армия насчитывала 26 батальонов пехоты, 22 полка кавалерии и 4 орудия, всего около 30 тысяч человек. Бо̀льшая часть артиллерии была оставлена шведами под Полтавой, ввиду недостатка боевых припасов.

В отношении предстоящего боя существовало два предположения. Карл мог остаться на старой позиции под Полтавой. В этом случае Пётр решил атаковать его 29 июня, в день своих именин. Вероятнее, однако, было второе предположение, что Карл, избегая двойного удара (со стороны подошедшей русской армии и гарнизона Полтавы), сам нанесёт контрудар главным русским силам. Такой образ действия более соответствовал энергичному и порывистому характеру шведского короля.

Существует рассказ, что накануне сражения Пётр узнал об измене одного унтер-офицера Семеновского полка, перебежавшего в шведский лагерь. Изменник, понятно, не мог

сообщить Карлу план предстоящего боя, так как он его не знал, но одно обстоятельство весьма встревожило Петра. Незадолго до похода к Полтаве в русскую армию прибыл полк, состоявший из молодых, необстреляннных солдат. Этот полк отличался от прочих цветом своих серых мундиров, тогда как остальные полки были одеты в тёмнозелёные мундиры. Пётр предвидел, что Карл, узнав о существовании неопытного полка в русской армии, направит на него свой главный удар. Тогда он приказал снять с Новгородского полка, считавшегося одним из лучших полков в армии, темнозелёные мундиры и надеть их на новоприбывший полк, а серые мундиры новоприбывшего полка отдать новгородцам. Таким образом, изменнику, направившему удар Карла на Новгородский полк, пришлось оказать услугу не неприятелю, а русской армии.

Как и предполагал Пётр, Карл не стал дожидаться перехода русской армии в наступление, а решил атаковать её на рассвете 27 июня.

Шведская армия под командованием фельдмаршала Реншильда была построена для наступления в четыре пехотные колонны, сзади которых следовала кавалерия в шести колоннах. Около 2 часов ночи русские разъезды обнаружили движение противника. Меншиков, командовавший кавалерией, немедленно выдвинулся вперёд редутов и с такой стремительностью атаковал появившуюся перед ним шведскую конницу, что последняя была опрокинута и, потеряв 14 знамён и штандартов, принуждена была укрыться за своей пехотой.

Меншиков, увлечённый первым успехом, просил Петра подкрепить его пехотными частями. Но Пётр остался верен своему первому плану сражения и не хотел удачное кавалерийское дело у редутов превратить в генеральное сражение, так как в узком промежутке между лесами нельзя было развернуть главные силы армии. Поэтому он ответил отказом на трёхкратную просьбу Меншикова о подкреплении и велел ему отойти на фланг главного русского расположения в укреплённом лагере. Шведы, увидев отход русской кавалерии, начали её преследовать. Прорываясь между редутами, они несли большие потери от перекрёстного ружейного огня, а поднявшаяся затем пыль скрыла от них расположение русского фронта. Поэтому потерявшие стройный боевой порядок шведские части неосторожно подошли к укреплённому русскому лагерю на дистанцию картечного выстрела. Тогда русская артиллерия открыла сильнейший

огонь. Густые построения противника несли огромные потери. Боевой порядок шведов был окончательно нарушен, и главная масса войск бросилась, спасаясь от артиллерийского огня, к северному Будищенскому лесу. Во время кавалерийского боя впереди редутов 6 шведских батальонов и несколько эскадронов оторвались от главных сил и укрылись в Яковецком лесу. Пётр приказал Меншикову уничтожить этот отряд противника, и Меншиков успешно это выполнил. Остатки шведского отряда вместе с генералом Шлиппенбахом сдались в плен.

Между тем шведские части, отошедшие в северный лес, стали приводить себя в порядок, и около 8 часов утра шведское боевое построение вытянулось вдоль опушки этого леса. Пётр решил вывести армию из укреплённого лагеря и атаковать противника. Всего в боевом построении с русской стороны в это время находилось 42 батальона пехоты и 17 драгунских полков.

Войска были построены сообразно принятому боевому порядку в две линии, причём для лучшей поддержки за батальонами первой линии были поставлены во второй линии батальоны тех же полков. Кавалерия расположилась на флангах (11 драгунских полков на правом фланге и 6 драгунских полков на левом фланге). Артиллерия стала в интервалах между пехотными частями по всей линии. В укреплённом лагере было оставлено 9 батальонов, составивших тактический резерв. Таким образом, линейное построение русской армии в Полтавском сражении приняло более глубокую форму.

Перед возобновлением сражения Пётр обратился к войскам со следующим коротким приказом, поднимавшим патриотическое воодушевление солдат и офицеров: «Воины, вот пришёл час, который решит судьбу отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вручённое, за род свой, за отечество. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении перед очами вашими правду... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего».

Пётр также обратился к Шереметеву: «Господин фельдмаршал, поручаю вам мою армию и надеюсь, что в начальствовании оною поступите вы согласно предписанию, вам данному, а в случае непредвиденном, как искусный полко-

зодец. Моя же должность — надзирать за всем вашим начальствованием и быть готовым на сикурс (помощь) во всех местах, где требовать будет опасность и нужда».

План Петра заключался в охвате противника. Для этой цели Меншиков с шестью драгунскими полками стал на левом фланге. Карл стремился сосредоточенным ударом прорвать центр русского расположения. Предположение Петра, что главный удар будет направлен на полк, одетый в светлосерые мундиры, оправдался. Шведы яростно бросились на Новгородский полк и, несмотря на его мужественное сопротивление, прорвали первую линию боевого построения. Но Пётр во-время увидел опасность и лично повел батальоны второй линии в контратаку и отбросил шведов назад.

Пётр и Карл всё время находились среди сражающихся. Одна пуля пробила треугольную шляпу Петра, другая ударила в седло. За несколько дней до сражения Карл во время осмотра русского расположения был ранен пулею в ногу. Русское ядро разбило носилки Карла в тот момент, когда шведские солдаты, не выдержав штыковой атаки русских, заколебались и начали отступать. Король тщетно взывал к их мужеству, пытаясь остановить расстроенные ряды. Вскоре противник потерял всякий порядок и искал спасения в бегстве в район Будищенского леса. Русские войска уничтожали отступавшего разгромленного противника. Но значительным частям шведов всё-таки удалось выйти на дорогу к переправе через Днепр, около города Переволочна.

Большое утомление армии не позволило Петру немедленно начать преследование шведов. Сражение окончилось полным разгромом шведских войск, причём в бою участвовала только первая линия русского боевого построения.

На поле сражения было подобрано 9234 шведских трупа. Среди пленных находился шведский фельдмаршал генерал Реншильд. Потери русской армии составляли убитыми 1345 человек, ранеными 3290 человек. Всего 4635 солдат и офицеров, т. е. в два раза меньше, чем потеряли шведы только убитыми. В этот же вечер Пётр праздновал победу русского оружия, провозгласив при этом тост за шведов, как за своих учителей в военном деле.

Пётр спешил сообщить в Москву об одержанной победе. Он писал: «Доносим вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую господь бог нам через неописанную храбрость наших войск даровать изволил, с малою войск

наших кровью. Вся неприятельская армия Фаетонов конец восприняла, а о короле ещё не можем ведать, с нами ли или со отцы нашими обретается».

На следующий день Меншиков с кавалерией был отправлен для преследования остатков разбитой шведской армии, и 30 июня у переправы через Днепр, около города Переволочна, шведы во главе с генералом Левенгауптом положили оружие. Карлу с Мазепой, в сопровождении нескольких сотен человек, удалось переправиться на правый берег Днепра и бежать в пределы Турции.

Победа под Полтавой имела огромное историческое значение. Она была той «генеральной баталией», которая, по мысли Петра, должна была решить конечный результат войны. Петр в этом не ошибался. Военное могущество шведов на суше было окончательно сломлено.

Не менее крупными явились политические последствия победы. На Западе долго не хотели ей верить. Немцы и шведы распространяли неверные слухи о поражении русской армии. Однако скрыть действительный результат Полтавской битвы им не удалось.

Благодаря одержанной победе Пётр в ближайшее время возобновил союз с противниками Швеции. В августе 1709 года король Август II уничтожил Альтранштадтский договор и возобновил войну с Швецией. В октябре этого года в городе Мариенвердер произошло свидание четырёх государей: Петра и королей датского, польского и прусского. Был заключён оборонительный союз между Россией и Пруссией. В конце 1709 года к союзу присоединилась Дания, которая также вступила в войну.

С другой стороны, усиление русской военной мощи вызвало на западе Европы нескрываемое чувство опасения. Карл XII, укрывшись в Турции, усиленно интриговал с целью поднять её против России. Англия и Голландия, хотя и были заняты войной за «испанское наследство», но, опасаясь дальнейших успехов русской армии и флота, стали хлопотать о посредничестве, чтобы предотвратить полный разгром Швеции и остановить рост русского могущества в Прибалтике.

Искусно действуя средствами дипломатии, Петр продолжал войну. Разгром шведской армии позволил ему в ближайшие годы закончить полное освобождение берегов Прибалтики от неприятельских войск. В 1710 году последние крепости в Лифляндии и Эстляндии перешли в руки русских. Дальнейшие операции были несколько задержаны

выступлением Турции в конце 1710 года. Рассчитывая на помощь со стороны Августа II и на восстание христиан — подданных султана, Пётр летом следующего года быстро двинулся к реке Прут с 38-тысячной армией. Однако турки успели сосредоточить огромную армию, насчитывавшую вместе с татарами до 190 тысяч человек. Русские войска были окружены, но стойко отбивали все атаки противника. Критическое положение было спасено заключением мира, по условиям которого Турция получила обратно Азов. Хотя потеря этой крепости и была очень досадна Петру, но она смягчалась возможностью возобновить наступательные действия против Швеции. В течение 1712—1713 годов было закончено очищение почти всей Финляндии. Одновременно успешно шли работы по сооружению большого корабельного и галёрного флотов. Уже в 1714 году русский галёрный флот нанёс поражение у мыса Гангут шведской эскадре адмирала Эреншильда. Господствуя в финляндских шхерах, Пётр получил возможность активно действовать против берегов Швеции. Однако морская война с сильным шведским флотом затянулась еще на несколько лет.

Карл XII возвратился из Турции только в 1714 году. Разорённая Швеция не в состоянии была продолжать войну. Поэтому король принужден был согласиться на ведение мирных переговоров, местом которых в 1718 году был город Аланд. Переговоры неожиданно были прерваны вследствие смерти Карла XII, убитого в 1719 году в Северной Норвегии. Шведский престол заняла младшая сестра короля Ульрика-Элеонора. Образовавшееся новое шведское правительство прервало мирные переговоры с Россией. Шведы заключили мир со всеми своими противниками, намереваясь сосредоточить все оставшиеся силы для войны с Россией.

В 1720 году при острове Гренгам генерал Голицын нанёс новое поражение шведской эскадре. Пётр особенно радовался этой морской победе. Швеция теперь не в состоянии была защитить даже окрестности Стокгольма. Русские десантные части высаживались на берегу. Опасаясь занятия Стокгольма, Швеция начала новые переговоры, которые в августе 1721 года закончились заключением мира в городе Ништадте в Финляндии.

Условия мира полностью удовлетворили требования Петра и разрешили историческую задачу приобретения морского побережья. Весь берег Прибалтики — от Выборга до Риги, т. е. часть Карелии, Ингрия, Эстляндия и Лифляндия, — вошёл в состав Русского государства.

3*

В войне со Швецией Пётр проявил выдающиеся организаторские и военные способности. В короткое время без посторонней помощи он создал и воспитал в суровой, боевой обстановке новую русскую армию, которая по праву, завоёванному в победах над сильным противником, стала считаться одной из лучших в Европе. Требуя строгой дисциплины, Пётр в то же время развивал в солдате и офицере понятие воинской чести, долга и чувство нравственной ответственности перед родиной. Важнейшим качеством воина он считал уверенность в своих силах, которую называл «безконфузством» и «на себя надёжностью».

Стратегия Петра соединяла осторожность с решительностью. В истории военного искусства того времени Пётр правильно разрешил проблему «генерального сражения», главной целью которого являлось уничтожение армии противника. Но генеральное сражение, как «зело опасное дело», Пётр решал лишь после длительной и тщательной подготовки, не упуская из внимания ни одного шанса в свою пользу. При этом Пётр старался подчинить волю противника своей воле и поставить вражескую армию в наиболее невыгодные условия. В действиях Петра ясно чувствуется зарождение новых способов ведения войны, которые впоследствии назвали «стратегией сокрушения». По этому направлению после Петра пошли наиболее выдающиеся представители русского полководческого искусства — Румянцев, Суворов, Кутузов.

Особенностью тактики Петра был её наступательный характер. Поэтому огонь из пехотного и артиллерийского оружия получил подготовительное значение для решающего удара холодным оружием: штыком в пехоте и саблей (шпагами) в кавалерии. Это основное положение петровской тактики было впоследствии полностью принято Суворовым.

С качествами великого полководца Пётр соединял не менее выдающиеся способности флотоводца. Начав с плавания на парусном ботике — «дедушке русского флота», — он закончил победой над сильнейшей морской державой, обладавшей в морском деле огромным опытом и старыми устойчивыми традициями. Как и в армии, Петр овладел морским делом во всем его объёме и во всех обязанностях — от плотника до кораблестроителя и от боцмана до адмирала.

Пётр создал основы национального русского военного искусства, которые затем были блестяще развиты Румянцевым, Суворовым и Кутузовым.

Успешное окончание войны за Балтику позволило Петру обратиться к разрешению другой задачи — к укреплению положения России в бассейне Каспийского моря, имевшего большое значение для торговли с восточными странами. Кроме того, Петр очень опасался возможности захвата Закавказья Турцией. Население Грузии и Армении неоднократно обращалось к русскому правительству с просьбой о защите и покровительстве. Убежденным сторонником тесного политического союза с Россией был картлийский царь Вахтанг VI, надеявшийся при ее помощи освободить Грузию от персидского господства и вернуть захваченные Турцией южногрузинские области. Момент для вмешательства в персидские дела был выбран Петром весьма удачно. Петр решил воспользоваться восстанием против персидского шаха, вспыхнувшим в северных провинциях Персии (в Азербайджане), во время которого были разграблены товары русских купцов. Персидский шах сам обратился за помощью к России. Русское правительство получило возможность, не нарушая мирных отношений с шахом, послать военную экспедицию в Каспийское море для защиты русских интересов. В течение 1722—1723 гг. русские войска заняли ряд городов на берегу Каспийского моря, в том числе Баку. По условиям мирного договора с Персией, заключенного в 1723 г., к России переходило побережье Каспийского моря с городами Дербент и Баку и провинциями Гилянь, Мазандеран и Астрабат.

Надежды царя Вахтанга VI на освобождение Грузии при русской помощи в то время не увенчались успехом. После окончания русской экспедиции турецкая армия вторглась в Восточное Закавказье и заняла Тбилиси. Царь Вахтанг VI с ближайшими людьми удалился в Россию.

5

Одновременно с ведением длительной и тяжёлой войны Пётр производил крупные внутренние преобразования, которые по частям перестраивали всю государственную систему. Вопрос о сущности этих реформ и характере петровского государства не может быть правильно разрешён без изучения его социально-экономических основ.

Буржуазные историки XIX века и начала XX века отмечали лишь успехи в области промышленности и торговли и почти не касались вопроса о социально-экономической основе государственных преобразований Петра.

Покровский считал, что важнейшим явлением в экономической жизни начала XVIII века было завоевание феодализма торговым капиталом, в результате которого утвердилась система, названная Покровским «торговым капитализмом». Концепция Покровского находится в полном противоречии с методическими указаниями классиков марксизма о развитии и разложении феодального хозяйства, а самое понятие «торговый капитализм» является антинаучным, так как основой каждой общественной формации служит не система торговых отношений, а способ производства.

Последняя специальная работа, посвящённая государству Петра, проф. Б. И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра I», появившаяся в конце 1943 года, содержит ряд неправильных утверждений автора. Проф. Б. И. Сыромятников механически использует указания Маркса и Энгельса об условиях образования абсолютистского государства. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс указывают, что возникновение абсолютистского государства относится к тому историческому периоду, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть, на время получив известную самостоятельность по отношению к обоим классам, уже кажется посредницей между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая уравновешивает друг против друга дворянство и буржуазию.

Перенося это указание на эпоху Петра, проф. Б. И. Сыромятников считает характерным явлением петровского государства развитие буржуазных отношений. По мнению автора, Пётр стремился ограничить крепостное право и создать буржуазную форму государственной власти. Между тем источники неопровержимо устанавливают, что в основе русской социально-экономической системы времени Петра лежало неразрушенное феодальное хозяйство. Как всякое феодальное хозяйство, оно было натуральным. Однако развитие общественного разделения труда, появление крупной мануфактурной промышленности, развитие внешней торговли, укрепление внутренней рыночной системы не могли не оказать большого влияния на состояние феодального хозяйства, которое всё больше и больше приспосабливается к рынку. В его порах накапливаются элементы новых производственных отношений, которые в данное время не были еще настолько значительными, чтобы изменить самый характер производства. Основной рабочей силой в хозяйстве

остаются закрепощённые крестьяне. При Петре действительно не было издано новых законов, усиливавших крепостное право, но практика поместного хозяйства и влияние петровского законодательства не только не облегчили положение крестьян, а делали его ещё более тяжёлым и зависимым от землевладельцев-дворян.

Большое влияние на развитие крепостнических отношений оказала также подушная подать, сопровождавшаяся первой ревизией (переписью) 1718—1722 годов. Благодаря ей произошло упрощение социального состава сельского населения, которое подразделялось на два главных разряда: крепостных людей, живших на различных частновладельческих землях, и государственных крестьян, в число которых вошли черносошные крестьяне, однодворцы, мелкие служилые люди и др. По указу 1723 года все различные виды холопства слились в одну категорию и были положены в подушный оклад. Таким образом, холопы, как особая социальная категория, исчезли, смешавшись со всем крепостным населением помещичьих владений.

В это же время получила дальнейшее распространение практика продажи крестьян не только с землей, но и без земли, что вполне соответствовало усиливавшейся власти помещиков над личностью крестьянина.

Пётр в ряде указов действительно стремился предотвратить разорение крестьян в результате необузданной эксплоатации. Но эти частные меры не затрагивали существа социально-экономических отношений данного времени, и поэтому их нельзя рассматривать как меры, направленные против крепостного права. О тяжёлом положении крестьян, подавленных государственными налогами и феодальными повинностями, свидетельствуют решительно все источники — как русские, так и иностранные. Известный публицист петровской эпохи Иван Посошков писал: «Крестьянское житие скудоносно ни от чего иного, токмо... от нерассмотрения правителей и от помещичья насилия и от небрежения их». Таким образом, Посошков указывает на две основные причины тяжёлого положения крестьян: на непроизводительность крепостного труда и на усиленную эксплоатацию крестьян со стороны помещиков. «Помещики, — говорит он,—на крестьян своих налагают бремена неудобоносимые». Некоторые дворяне в рабочую пору не оставляли и одного дня крестьянам. Многие из них говорили: «Крестьянству, де, не давай обрасти, но стриги его яко овцу догола».

С этими отзывами русского современника вполне согласуются впечатления иностранцев, посещавших Россию. Например, поверенный австрийского двора Отто Плейер в донесении своему правительству в 1710 году указывал на страшное разорение и бедственное положение русских крестьян. Крестьяне массами бежали, скрывались в лесах, бросали пашни. Налоги для остававшегося населения становились ещё более тяжёлыми.

Тяжело отзывались на положении деревни и рекрутские наборы, отрывавшие наиболее сильную и молодую рабочую силу от хозяйства. Большая убыль населения была обнаружена переписью. В ряде губерний она достигала 40—50 процентов податных дворов, а в некоторых местах превысила даже 60 процентов. По всей России сокращение крестьянских дворов достигло около 20 процентов.

Таким образом, хотя при Петре и не было издано новых законов, усиливающих крепостную зависимость, но действительное положение крестьян стало, несомненно, более тяжёлым, чем было до Петра.

Длительная Северная война легла целиком на плечи трудового народа, крестьянства и мелкого посадского люда. Крестьянство, помимо барщины и оброка, натурального и денежного, было обложено всевозможными государственными повинностями и косвенными налогами. От налогового гнета и феодально-крепостнической эксплоатации крестьяне бежали на юг, в пределы Дона, на восток — за Урал и в Сибирь. Крестьяне громили усадьбы помещиков, убивали помещиков и их приказчиков.

Тяжелое положение народных масс вызвало в первую половину царствования Петра обострение классовой борьбы и ряд народных восстаний. В 1705—1706 гг. произошло восстание в Астрахани, в котором наряду с выступлением беднейшей части астраханского населения приняли участие сосланные стрельцы, старообрядцы и зажиточные купцы, недовольные уничтожением старых обычаев и начавшимися преобразованиями. Восстание было подавлено. В 1707—1708 гг. вся территория Донского казачества, а также Нижнее Поволжье и южные черноземные уезды были охвачены восстанием под руководством атамана Кондратия Булавина. Основной движущей силой восстания, носившего ясно выраженный антифеодальный характер, были: казачья голытьба, среди которой находилось много беглых крестьян, крепостные крестьяне и работные люди. Для борьбы с вос-

станием правительство отправило на Дон значительные военные силы под командованием князя Василия Долгорукого. Подавление восстания было облегчено расколом и столкновениями между зажиточными казаками и голытьбой. В 1705—1711 гг. произошло крупное восстание в Башкирии, вызванное непосильными налогами, притеснениями, произволом и насилиями царской колониальной администрации.

Всем этим движениям были присущи особенности, характерные для крестьянских восстаний в феодальное время: распыленность сил, стихийность, отсутствие организованности, местная ограниченность, неразвитость классовой идеологии. Крестьянские восстания не могли победить, потому что не было еще рабочего класса, который мог бы возглавить эти движения. Но крестьянские восстания, направленные против феодалов-крепостников, расшатывали устои феодально-крепостнического строя.

Чрезвычайно важным явлением в экономическом развитии России было распространение мануфактурного производства. Как известно, мануфактура представляет собой кооперацию, основанную на разделении труда. Она даёт более высокую производительность труда, чем мелкое, необъединённое ремесло. В этом заключается основное условие её успешного развития. Пётр создавал русскую промышленность на базе достигнутых к его времени успехов. Предыдущее столетие дало большое развитие мелкого ремесленного производства. В торговле, в связи с образованием «всероссийского рынка» и развитием внешнего товарооборота, были накоплены крупные купеческие капиталы, которые, за небольшим исключением, не обращались на цели производства. Добывающая промышленность почти отсутствовала. В конце столетия существовало около двух десятков казённых и частных более или менее значительных мануфактур. Они не были в состоянии покрыть возраставший рыночный спрос и удовлетворить государственные заказы.

Пётр выдвинул грандиозную задачу: освободить русского потребителя от иностранного предпринимателя. Хотя в данных социально-экономических условиях эта задача и не могла быть полностью разрешена, но она указывала направление, по которому должно было пойти развитие отечественной промышленности. «Наше Российское государство, — писал Пётр в одном из указов, — перед многими иными землями преизобилует и потребными металлами и

минералами благословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы».

Как и в остальных областях государственного строительства, Пётр действовал убеждением, примерами, побуждением и наказанием нерадивых и косных людей. Он требовал от купцов образовать торгово-промышленные компании, предоставляя им большие льготы, освобождая от служб и налогов, разными способами старался развить частную предприимчивость и инициативу. При каждом случае он старался доказать, что русские могут не хуже иностранцев производить добротные товары, были бы только желание и настойчивость. Когда на русской мануфактуре стало вырабатываться сукно, Пётр на радостях велел себе сшить из него кафтан к празднику. Позднее, следя за дальнейшими успехами в суконном производстве, он повелел так увеличить его, чтобы через пять лет можно было «не покупать мундиру заморского». Чтобы ускорить развитие мануфактурной промышленности, Петр строил казённые заводы, а потом по желанию, а если не найдутся желающие, «то и неволею», передавал их отдельным лицам или купеческим компаниям.

Самые большие трудности в развитии крупной обрабатывающей промышленности встретились в области обеспечения её необходимой рабочей силой. Число свободных людей, желающих поступить на заводы, было ничтожно, поэтому «работных людей» набирали из нищих, малолетних, солдатских детей, брали даже беглых крестьян. В мануфактурное производство втягивались разнообразные плебейские элементы, образовавшиеся в феодальном обществе. Но все эти категории рабочей силы не могли удовлетворить растущие потребности мануфактуры. Рядом указов правительство предписывает передавать заводчикам людей, отбывавших уголовное наказание. Наконец, в 1721 году появился указ с разрешением покупать в мануфактуры населённые деревни, с тем чтобы эти деревни с жителями всегда находились при заводах и отдельно от них не продавались. Приобретенные по этому указу купцами крестьяне впоследствии вошли в особую категорию «посессионных крестьян».

В рассматриваемое время на Западе существовала капиталистическая мануфактура, основанная на эксплоатации свободного труда. В России, вследствие феодально-крепостного хозяйства, свободных рабочих почти не было, и поэтому основная часть «работных людей» состояла из

зависимых людей, крепостных и посессионных крестьян. Таким образом, в России соответственно с общим социально-экономическим строем мануфактура в основном являлась еще не капиталистической, а крепостнической.

Тем не менее общие успехи в развитии промышленности при Петре, если сравнить её состояние с предыдущим столетием, были огромные, особенно в области горнозаводского и металлообрабатывающего производства, а также кораблестроения. Впервые недра Урала открыли для полезного использования свои неисчерпаемые богатства. На Урале был образован «горный округ», центром которого являлся основанный Петром город Екатеринбург (ныне Свердловск), названный в честь его жены, крестьянки по происхождению, императрицы Екатерины I. Другая новая область чугуннолитейного производства возникла в Карелии, где был построен город Петрозаводск. Получив в наследство от прошлого несколько мануфактур, Пётр оставил после своей смерти около 80 мануфактур и заводов (не считая большого числа мелких промышленных предприятий). Русские моряки с успехом сражались на кораблях, построенных на русских верфях. Русские артиллеристы стреляли из пушек, отлитых на русских заводах. Пехотинцы были вооружены русскими ружьями. Пётр обнаружил ясное понимание связи, существовавшей между государственными потребностями и экономическими возможностями для их удовлетворения. Россия не могла стать могущественным государством, не имея собственной промышленности. Нельзя было выиграть войну с первоклассным государством, покупая каждую военную мелочь за границей. «Когда Пётр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», 9-е изд., стр. 359).

Экономическая политика Петра в области промышленности и торговли исходила из основных положений теории меркантилизма. Меркантилистические представления не были чужды русским экономистам и правительству времен Алексея Михайловича. Но меркантилисты XVII века обращали внимание лишь на торговлю, стараясь защитить русский рынок от конкуренции со стороны иностранного капитала. Экономическая политика московского правительства почти не касалась области производства. Меркантилизм Петра основывается на иных принципах. Исходя из положе-

ния, что основное богатство страны выражается в деньгах и что увеличение денег может последовать лишь в результате выгодного торгового баланса во внешней торговле, Петр считал необходимым для разрешения этой задачи поднять собственное производство.

Для защиты русской промышленности от конкуренции иностранных товаров Петр, следуя меркантилистической системе, установил в 1724 году особый покровительственный тариф. По этому тарифу все товары, производство которых в России достигло значительных размеров, были обложены высокой пошлиной от 37,5% до 75% их стоимости.

Таким образом, социально-экономическим фундаментом преобразованной при Петре русской государственной системы оставалось феодально-крепостническое государство с господствующим классом русских феодальных землевладельцев — дворянства.

Товарищ Сталин, устанавливая отличительные черты русской государственной системы при Петре I, указывает, что Пётр сделал много для возвышения дворянства и для укрепления возникающего класса купечества.

Приступая к реформам государственной системы, Пётр не имел готового плана. Старый государственный порядок разваливался сам собой. Война ставила перед Петром всё новые и новые проблемы, которые неизбежно приводили к созданию соответствующих средств для их успешного разрешения. Было бы, конечно, ошибкой считать, что война была единственным фактором преобразований и определила собой формы государственной системы. Преобразования явились следствием несоответствия между всеми задачами, стоявшими перед страной, и теми средствами, которые находились в руках правительства для их осуществления.

Это несоответствие, заметное уже в XVII веке, особенно резко почувствовалось в петровскую эпоху. Война ускорила развал старого аппарата и поэтому облегчила создание на его месте новых государственных учреждений. Пётр в государственном управлении, как и в военном деле, внимательно изучал иностранный опыт и черпал из иностранной системы полезные и необходимые данные. Однако Пётр не перенимал иностранных учреждений без изучения их пригодности в русских условиях. Заимствование иностранного опыта сочеталось с творческой работой собственной мысли и с освоением своего огромного опыта управления.

Пётр действовал в то время, когда на Западе сложились крупные абсолютистские государства, главными чертами которых были самодержавная власть, бюрократическая система управления, постоянная армия и постоянные налоги. Именно по этому пути и пошла преобразовательная деятельность Петра. Но этот путь был уже намечен в предшествующем столетии, хотя и недостаточно ясно. Пётр со всей определённостью, свойственной его большим государственным способностям, ясно прочертил основное направление своих реформ в сторону образования могущественной централизованной государственной системы — дворянской по своему социальному составу и бюрократической по характеру организации. При этом Пётр исходил не только из данного опыта, но и из теории государственного права, возникшей на Западе.

Теория происхождения государства и верховной власти усиленно разрабатывалась на Западе в XVI — начале XVIII веков представителями школы так называемого естественного права. По их мнению, верховная власть в государстве возникает в результате добровольного соглашения людей, которые ограничивают в общих интересах личную свободу. Свои естественные права, которые по самой природе безграничны, они передают высшей государственной власти, в какой бы форме последняя ни осуществлялась. Однако большинство представителей данного направления отдавало предпочтение монархической власти.

Таким образом, верховная власть совершенно абсолютна и опирается на естественные основы человеческого общежития. Она наделяется огромными полномочиями, получает право вмешиваться в индивидуальную и общественную жизнь и регулировать ее в общих интересах. При абсолютной монархии государь не подчинён никому и ни перед кем на земле не отвечает. На его нравственной обязанности должна оставаться идея «общего блага». Поэтому такое государство является не просто абсолютистским, а государством «просвещённого абсолютизма».

Теория происхождения абсолютистского государства из естественного права явилась идеологией нового буржуазного общества. Поэтому она стала господствующей в тех западно-европейских странах, в которых к этому времени капиталистические отношения успели в достаточной степени утвердиться: в Англии, Франции, Голландии, отчасти в Италии.

В России, где основы феодальной экономики еще не были разрушены, эта теория в чистом виде не могла быть принята даже наиболее прогрессивно настроенными представителями русского общества и государственной власти. Здесь неизбежно должен был сложиться некоторый дуализм на основе старого и нового миросозерцания.

Теория естественного права и абсолютистского государства была известна Петру и его современникам по сочинениям выдающихся мыслителей XVII и XVIII веков. Еще в 1703 году Петром был одобрен наказ для учения сына, царевича Алексея. В числе книг, которые должен был прочитать царевич, находилось известное сочинение Пуфендорфа «О должности человека и гражданина», причём это сочинение должно было быть прочитано «яко введение в право всенародное и яко преддверие Гроцина и Пуфендорфа о праве естественном и народном, из которого основание всех прав, а особливо право о войне и мире, которое меж потентами в почтении».

Сочинение Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» по собственноручному повелению Петра I в 1724 году было переведено на русский язык.

Новая теория государства оказала большое влияние на работы известного помощника Петра Феофана Прокоповича, автора двух крупных законодательных актов: «Правда воли монаршей» и «Духовный регламент». Таким образом, основные положения этой теории получили официальное признание.

«Правда воли монаршей» была издана в 1722 году по поручению Петра, в связи с делом царевича Алексея. Потерпев горькое разочарование в сыне и опасаясь за судьбу своих преобразований, Пётр на будущее время установил право государя назначать себе наследником того, кого он найдёт нужным, не считаясь с первородством. Для обоснования этого закона Феофан Прокопович написал «Правду о воле монаршей». Наряду с древними церковными авторами он широко использовал западно-европейских мыслителей. Феофан Прокопович ссылается на естественное право как на основание семейного и политического союза. Он устанавливает неотъемлемые права монарха, действия которого не подлежат отмене никакой другой земной властью. Теорию договорного происхождения государства Феофан Прокопович старался примирить с её богоустановленностью. По его мнению, божественное начало осуществляется посредством народа, отказывающегося по божественному

внушению от своих прав в пользу верховной власти. Последняя повинуется только богу и потому не может быть связана церковными установлениями на земле. Лишь перед богом она отвечает за свои неправильные действия и грехи. Верховная власть монарха распространяется и на церковную область. Приоритет верховной государственной власти перед церковной Феофан Прокопович развил и в другой своей работе — «Духовный регламент», исправленной в рукописи Петром. Основная идея регламента заключается в обосновании права государя на производство церковной реформы. Церковь должна подчиняться верховной власти, как всякое другое государственное учреждение.

Пётр неоднократно указывал на идею «общего блага» как на основную задачу государственной власти. Еще в 1702 году в указе о вызове иностранных специалистов в Россию он писал о намерении «государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». В речи, произнесенной в 1721 году по поводу заключения Ништадтского мира, Петр отметил, что задача государя заключается в том, чтобы «трудиться о пользе и прибытке «общем». Усвоив ряд положений философской школы «естественного права», Пётр не оставил и старой теории о теократическом происхождении царской власти. Так, отпуская русского посла в Константинополь, он между прочим ему сказал: «Я приставлен над вами от бога, и моя должность, чтоб недостойному не дать, а у достойного не отнять».

Таким образом, в своей преобразовательной деятельности Пётр руководствовался общими представлениями о естественном праве, как основе верховной власти, и о системе абсолютистского государства, которое призвано «охранять общее благо подданных».

Аппарат центрального управления стал расстраиваться уже в первые годы царствования Петра, так как совершенно не соответствовал изменившейся исторической обстановке. Пётр лишил Боярскую Думу прежнего строго аристократического состава, причём большинство членов Думы получило различные служебные назначения и поэтому редко могло присутствовать на её собраниях в Москве. Дума, потеряв законодательные функции, превратилась в распорядительный орган, ведающий текущими делами, в своеобразную канцелярию при государе. Но Пётр, часто находясь в разъездах, не мог совещаться и с этой, уменьшенной

в своем составе, Думой, и большинство распоряжений делал самостоятельно, посылая указы в Думу для исполнения. Однако недоверчиво относясь к старому боярству, он не мог доверять и остаткам Боярской Думы. В 1707 году Пётр велел вести протоколы заседаний в Думе, чтобы, как он разъяснял, «без того никакого бы дела не определяли, ибо сим (т. е. протоколами) всякая дурость явлена будет».

Уезжая в прутский поход, Пётр в 1711 году вместо распавшейся Думы создал новый центральный орган в виде «Правительствующего сената», первоначально состоявшего из девяти членов. Сенат в отсутствие государя пользовался его верховными правами, но когда Петр бывал в столице, деятельность сената строго контролировалась самим царём. Между тем старые приказы решительно не справлялись с массой новых задач. Пётр несколько раз изменял строй приказного управления: некоторые приказы уничтожал, другие объединял вместе, некоторые создавал вновь. Но от этих частичных изменений приказная система в целом не улучшалась.

Пётр долго и внимательно изучал систему центральных учреждений в государствах Запада. Он посылал людей в Швецию, Данию и другие места специально для изучения государственного порядка. Решение о крупной реформе у него созрело в 1715 году. Но только через 4 года, в 1719 году, появился указ об образовании вместо приказов коллегий.

Пётр придавал очень большое значение этой реформе. По воспоминаниям французского посла в Москве, Пётр, празднуя наступление нового, 1719 года, произнес тост о том, чтобы этот год был таким же замечательным, как 1709 год, год Полтавской битвы. «Затем, — сообщал французский посол, — обозревая с горечью старый русский мир, он выразил надежду, что посредством утверждения нескольких советов и коллегий ему удастся придать новый вид этому миру».

Сначала было образовано 9 коллегий: военная, морская, иностранных дел, три финансовые — камер-коллегия (доходы), штатс-коллегия (расходы), ревизион-коллегия (контроль), две хозяйственные коллегии для управления торговлей и промышленностью (коммерц-коллегия, мануфактур- и берг-коллегия) и, наконец, юстиц-коллегия в качестве высшего правового органа в государстве. В последующие годы мануфактур- и берг-коллегия была разбита на две

самостоятельные коллегии, одна из которых заведывала промышленностью, а другая—торговым делом. В 1720 году в связи с реформой городского управления был создан для заведывания городами Городовой магистрат, а в 1722 году по церковным делам—духовная коллегия, или синод. Организация высшего церковного управления в виде одной из государственных коллегий лишила церковь прежней административно-политической самостоятельности. Эта реформа должна была устранить возможность консервативной оппозиции со стороны части высшего духовенства, с которой Петру пришлось встретиться во время своей преобразовательной деятельности. Таким образом, всего было создано 12 однообразных коллегий взамен 40 с лишним путавшихся между собой разнородных приказов.

Особенно много Пётр работал над переустройством местных учреждений. Реформы, начавшиеся созданием областных учреждений в 1708 году, закончились только через 11 лет. За это время система местных учреждений подвергалась неоднократным изменениям. В 1708—1711 годах страна была разделена на 9 губерний (девятая, Воронежская, была выделена в 1711 г.). По реформе в 1719 году взамен губерний, оказавшихся слишком обширными для управления, было создано 50 провинций, которые подразделялись на дистрикты (уезды), с таким расчётом, чтобы один дистрикт включал полторы-две тысячи тяглых дворов. Высшим административным лицом в провинции был воевода, а в дистрикте — земский начальник.

Перекроив карту России новыми административными образованиями, Пётр уничтожил старые границы московских уездов, исторически сложившихся еще в эпоху феодальной раздроблённости.

Важнейшей стороной преобразовательной деятельности Петра была не только новая административная система, но и установление новых обязанностей, возложенных на представителей власти. Пётр при этом исходил из теории абсолютистского государства, требовавшей от власти всеобъемлющего внимания и вмешательства в общественную и частную жизнь ради общей пользы, «для прибытков общих», — как говорил Петр.

Была сделана попытка, правда, не вполне удавшаяся, отделить от государственной администрации особые судебные органы. Затем особым органам были поручены сборы прямых и косвенных налогов, казначейство, хранение хлебных запасов, охрана лесов, полиция. Поэтому реформа, с

одной стороны, упростила деятельность провинциальных воевод, так как расчленила провинциальную власть на ряд функций, подведомственных особым лицам, но, с другой стороны, она возложила на воевод такие обязанности, которые были чужды понятиям предшествовавшего века. Воеводы должны были следить, чтобы «никакие шпионы от государственных неприятелей в его провинции не обретались», они должны были заботиться о школах, госпиталях и заводах, бороться с разбоями и воровством, искать способы к развитию торговли, ремесла и мануфактуры, чтобы рудокопные и другие заводы «в добром состоянии были содержаны», чтобы «работные люди на них были обеспечены хлебом и харчами». Они должны были оберегать от истребления дубовые и прочие леса, уничтожать «хищных и вредительских зверей», не допускать «наглого разорения» крестьян беспутными помещиками и т. д. (Инструкция воеводам 1719 года).

Особое административное устройство получило посадское население, которое в XVII веке сильно страдало от произвола воеводской власти. Еще в 1699 году Пётр, следуя по пути, наметившемуся в предшествующие десятилетия, создал для посадского торгово-ремесленного населения выборные органы во главе со старостами (бурмистрами) для сбора налогов и судебных дел. Посадские были изъяты из ведения приказов и подчинены Московской бурмистерской палате, получившей голландское название «ратуша». Дальнейший крупный шаг к организации посадского населения был сделан через 20 лет, чтобы, как выразился Пётр, «всероссийского купечества рассыпанную храмину паки собрать». Высшие слои посада, отнесенные к «знатным и регулярным гражданам», образовали две гильдии, причём ремесленники, вошедшие во вторую из них, должны были по западно-европейскому примеру составить цехи.

Во главе каждого посада был поставлен не только с финансово-податными, но и с судебными и административными функциями магистрат под председательством выборного президента, причём правом выбора в члены магистрата пользовались только «регулярные» граждане, а выбирать могли лишь из лиц, отнесенных к первой гильдии. Таким образом, эта реформа передавала заботу о городском хозяйстве и административную власть в руки наиболее состоятельной части местного купечества. Городские магистраты подчинялись «главному магистрату», пользовавшемуся правами отдельной коллегии. Отделением посадского управле-

ния от общеобластного Пётр преследовал задачу создать более благоприятные условия для их экономического развития и обеспечить исправное поступление прямых и косвенных сборов.

Административные рефомы Петра упростили всю государственную систему, придали ей большую стройность и однообразие. Деятельность всех учреждений регулировалась общими одинаковыми законами, была установлена строгая соподчинённость между учреждениями: земские начальники в дистриктах подчинялись провинциальным воеводам, а последние — коллегиям, но только по роду деятельности каждой из них. Наконец, вся государственная система увенчивалась правительствующим сенатом, непосредственно подчинённым государю.

Весь механизм нового административного управления держался на участии в нём дворянства и крупного купечества (в посадах). Но вместе с тем деятельность административного аппарата получила отчётливо выраженный бюрократический характер. Отношение между лицами, облечёнными властью, устанавливались не по их социальному происхождению, а по занимаемому месту. На место иерархии лиц Пётр ставил иерархию должностей.

Пётр стремился управлять государством при помощи исполнительных и сведущих чиновников, создать достаточное число которых было нелёгкой задачей. Трудности заключались не только в отсутствии надлежащего опыта, но и в нежелании большинства дворян начинать гражданскую службу с незначительных канцелярских должностей, считавших это унизительным для своего достоинства. А между тем в гражданской службе, как и в военной, Пётр строго требовал, чтобы никто, какого бы происхождения он ни был, не занимал высшую должность, минуя низшие. Право на повышение давали только знание и проявленное служебное рвение. Открывая доступ в административную систему лицам недворянского происхождения, Пётр в то же время старался среди дворян переломить старый взгляд на достоинство государственной службы. В уставе («Генеральном регламенте») указывалось, чтобы мелкую канцелярскую службу «фамилиям знатным и шляхетским (дворянским) в укоризну не ставить: ибо кроме сего пути, в высший градус и до министерского чина произведен быть не может». Устанавливалось предварительное обучение при коллегии молодых людей, дворян и недворян, но при этом следовало следить «накрепко», чтобы в том манны (поблажки) не

было, и под видом ученья гулянья, за что будут члены коллежские жестоко наказаны, ежли по сему исполнять не будут».

Изданный в 1722 году «Табель о рангах» устанавливал для гражданских чинов такую же строгую градацию, как и для военных, с подразделением их на 14 классов. Низшим чином был чин регистратора коллегии, а высшим, первого класса, — канцлер. Эта система чинов с небольшими изменениями просуществовала около двух столетий.

В действительной жизни, на практике, созданный Петром механизм государственного управления был далеко не таким стройным и точным, как он представляется по указам и инструкциям. Нужны были огромные усилия и настойчивость, чтобы победить «древнее упрямство» и не допустить в новоустроенных коллегиях и канцеляриях распространения старомосковских приказных порядков с волокитой, взяточничеством и самоуправством. Пётр не очень доверялся своему чиновничьему аппарату, не исключая высших сановников империи. Учредив Сенат, он через несколько лет приставил к нему «надзирателя указов», а в 1722 году с этой же целью учредил должность «генерал-прокурора», возложив на него обязанность быть «оком» государя и «стряпчим» (заступником) в государственных делах.

Особенно преследовал Пётр два порока: волокиту и нечестность. С волокитой, со старой привычкой приказных дельцов не спешить с исполнением указов и затягивать дела челобитчиков (просителей) на многие годы, Пётр боролся всеми мерами: убеждением, указом и строгим наказанием. Даже высшие сановники государства, сенаторы, не избежали строгой регламентации в обсуждении и решении дел. Указом 1720 года Пётр предписал Сенату употреблять при обсуждении заслушанного дела не больше получаса и только решение по сложным делам откладывать до следующего дня, за исключением неотложных. Последние при всех обстоятельствах подлежало разрешать в срок не более трёх часов. За исполнением этого порядка должен был следить обер-секретарь Сената, который ставил перед сенаторами песочные часы. После истечения установленного срока для обсуждения и обдумывания он должен был подать чернила и бумагу, чтобы каждый сенатор тотчас записал своё мнение и поставил подпись. Если бы кто-либо из сенаторов этого не исполнил, обер-секретарь обязан был «всё покинув, бежать к царю, где бы он ни был». За волокиту в коллегиях и в губерниях Пётр угрожал, смотря

«по силе дела и вине смертью, казнью или ссылкой на галёры (каторжные работы) с отобранием всего имущества».

Непримиримую борьбу Пётр вёл с казнокрадством и лихоимством. Суровому наказанию за злоупотребления был подвергнут ряд представителей высшей администрации. Пётр приказал публично высечь кнутом двух сенаторов. Сибирского губернатора князя Гагарина, обвинённого в краже казённых денег, Пётр велел повесить перед окнами Сената, в назидание своему высшему правительственному органу. Однажды Пётр, раздражённый открывшимися злоупотреблениями, сказал на заседании Сената, что он велит повесить каждого, кто украдет сумму, достаточную для покупки верёвки.

Непримиримость ко всему, что мешало преобразовательной деятельности и ослабляло политическую мощь государства, Пётр показал в отношении к своему сыну и наследнику, царевичу Алексею. Опасаясь за судьбу своего дела, если бы после его смерти власть перешла к Алексею, не скрывавшему своего желания вернуться к старине, Пётр предал его, как изменника родины, высшему государственному суду. «По рождению сын мой, — говорил Пётр про сына, — а по делу злодей и губитель отца и отечества». Полная непримиримость в борьбе за укрепление государственной мощи является характерной чертой Петра как преобразователя.

Но ещё более трудной была борьба не с этими мелкими и крупными злоупотреблениями, а со скрытым противодействием реформе со стороны консервативной знати высших слоев дворянства. Порядок, созданный Петром, в корне расстраивал привычку к спокойной жизни, лишал дворянина традиционной поддержки богатой и родовитой родни и отягощал дворян новыми обязанностями службы. Пётр вытащил родовитых дворян из их отцовских и дедовских владений, где они беспечно проводили бо́льшую часть времени.

Недовольна была и часть высшего духовенства и монашество, так как Пётр ограничил монастырские землевладения и число монахов. Враждебно настроенные люди распускали про Петра всякие небылицы. Говорили, что он не царь, а антихрист, что скоро будет конец мира, что царевича давно подменили и вместо сына Алексея Михайловича на троне сидит неизвестный человек, родившийся от немки, и т. д.

В борьбе с государственными преступниками Пётр проявлял большую суровость, но она вызывалась не личными его качествами, а сознанием необходимости в корне пресекать зло, расшатывавшее устои нового государственного порядка и грозившее России тяжёлыми последствиями. «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» (Л е н и н, Собр. соч., т. XXII, стр. 517).

В результате напряжённой преобразовательной деятельности Пётр создал новую государственную систему, которая обладала важными отличиями от существовавшей до него формы феодальной монархии. Это была система абсолютистского государства. В. И. Ленин, характеризуя отдельные этапы в развитии русского самодержавия, писал: «...Русское самодержавие XVII века — с боярской Думой и боярской аристократией — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» (Л е н и н, Собр. соч., т. XIV, стр. 18).

6

Деятельность Петра, всколыхнувшего всё русское общество, произвела огромное впечатление на современников и возбудила после его смерти долго не замолкавший спор об историческом значении его личности. В этом споре на стороне Петра оказались все выдающиеся представители русской науки, литературы и общественности XVIII—XIX веков (Ломоносов, Радищев, Пушкин, Белинский, Соловьев, Ключевский и многие другие). По мере изучения эпохи Петра в тесной связи с прошлым состоянием России и её последующим историческим развитием, Петр из необыкновенного «чуда» и легендарного «великана», превращался в великого государственного деятеля, преобразователя, выдающегося дипломата и крупнейшего полководца — основоположника русского военного искусства.

Обстановка раннего детства для Петра сложилась так, что он раньше познакомился с жизнью, чем стал самостоятельно жить. После переворота 1682 года он получил возможность наблюдать жизнь такой, какой она была в действительности, а не такой, как она представлялась царским детям, осуждённым стародавним московским обычаем на замкнутое существование.

В годы правления Софьи Пётр ищет себе товарищей не в среде родовитой знати, а среди детей мелких дворян и дворцовых служителей. Он привыкает ценить людей, не по их происхождению, а по личным достоинствам, по уму, знаниям и расторопности. Это отношение к людям Петр сохранил в течение всей своей жизни. Ряд ближайших его сотрудников (Меншиков, Ягужинский, Шафиров и другие) не принадлежал по рождению даже к дворянским фамилиям.

Любознательность Петра почти не имела предела. Трудно указать такую область человеческой деятельности и культуры, куда бы ни заглядывал его пытливый ум. При этом в основе любознательности всегда лежал практический интерес. Пётр не только интересовался каждым новым делом, но и старался научиться ему. Еще в детстве состав игрушек его резко отличался от обычных детских. Маленькому Петру, по его требованию, присылаются плотничьи инструменты, столярный верстак, кузнечная снасть и другие орудия физического труда. Еще до отправления в первую заграничную поездку Пётр овладел четырнадцатью ремесленными специальностями, число которых он впоследствии значительно увеличил.

Любовь к физическому труду Пётр сохранял в течение всей своей жизни. Он никогда не оставался праздным зрителем чужой работы, но всегда, особенно если работа была трудной и не удавалась другим, стремился принять в ней непосредственное участие.

Привычку вникать во все мелочи, приобретенную в настойчивом ремесленном труде, Пётр перенёс и на большое государственное дело. В наших архивах сохранились тысячи черновиков указов, написанных или правленных рукой Петра. О его исключительном трудолюбии в этом отношении свидетельствует составление регламента Адмиралтейской коллегии. В октябре 1721 года Пётр работал над ним по четыре дня в неделю с 5 часов утра до 12 часов и с 4 часов дня до 11 часов вечера, то-есть по 14 часов в сутки.

С изумительной трудоспособностью Пётр соединял умение одновременно заниматься множеством дел, не упуская, однако, из внимания главного. Среди важнейших государственных и военных забот Пётр находил время для того, чтобы не только прочитывать, но часто и исправлять приготовленные к изданию переводы иностранных книг. Сохранившаяся переписка Петра показывает, что он лично руководил военными операциями, сам разрабатывал планы кам-

паний и в то же время следил за изготовлением и подвозом боевых припасов и продовольствия для армии.

Только неистощимая жизненная энергия, которой обладал Петр, могла поддерживать эту напряжённую и многообразную деятельность, не ослабевавшую до конца его жизни.

Государственные реформы Петра, обусловленные внутренними потребностями страны и её международным положением, имели исторически прогрессивный характер. Старый аппарат власти стоял препятствием на пути экономического развития и был плохим оружием внешней политики. Сломав его, Пётр вместе с ним уничтожил последние остатки далёкого прошлого, уходившего в глубь XV—XVI веков. Россия стала «регулярным» европейским государством, что значительно повышало её политическое могущество и значение в международной жизни. Выражением этого успеха было новое название «Российской империи», официально принятое Петром в 1721 году, в год победоносного окончания войны со Швецией. До этого времени империей называлась по старой средневековой традиции только Австрия, считавшая себя преемницей древнеримской империи.

Главное значение реформ Петра Великого заключалось в их исторической необходимости, в том, что они удовлетворяли потребностям страны при данных социально-экономических условиях. Пётр всю жизнь вёл непримиримую борьбу с отсталостью в экономике, военном деле, государственном устройстве, культуре и быту. Его преобразования были обращены на то, чтобы создать сильную Россию, способную отстоять жизненные интересы и занять достойное место среди великих государств. В «Секретной дипломатии XVIII века» Маркс писал, что Пётр «завладел всем, что было абсолютно необходимо для развития его страны». Энгельс называет Петра «действительно великим человеком» [1].

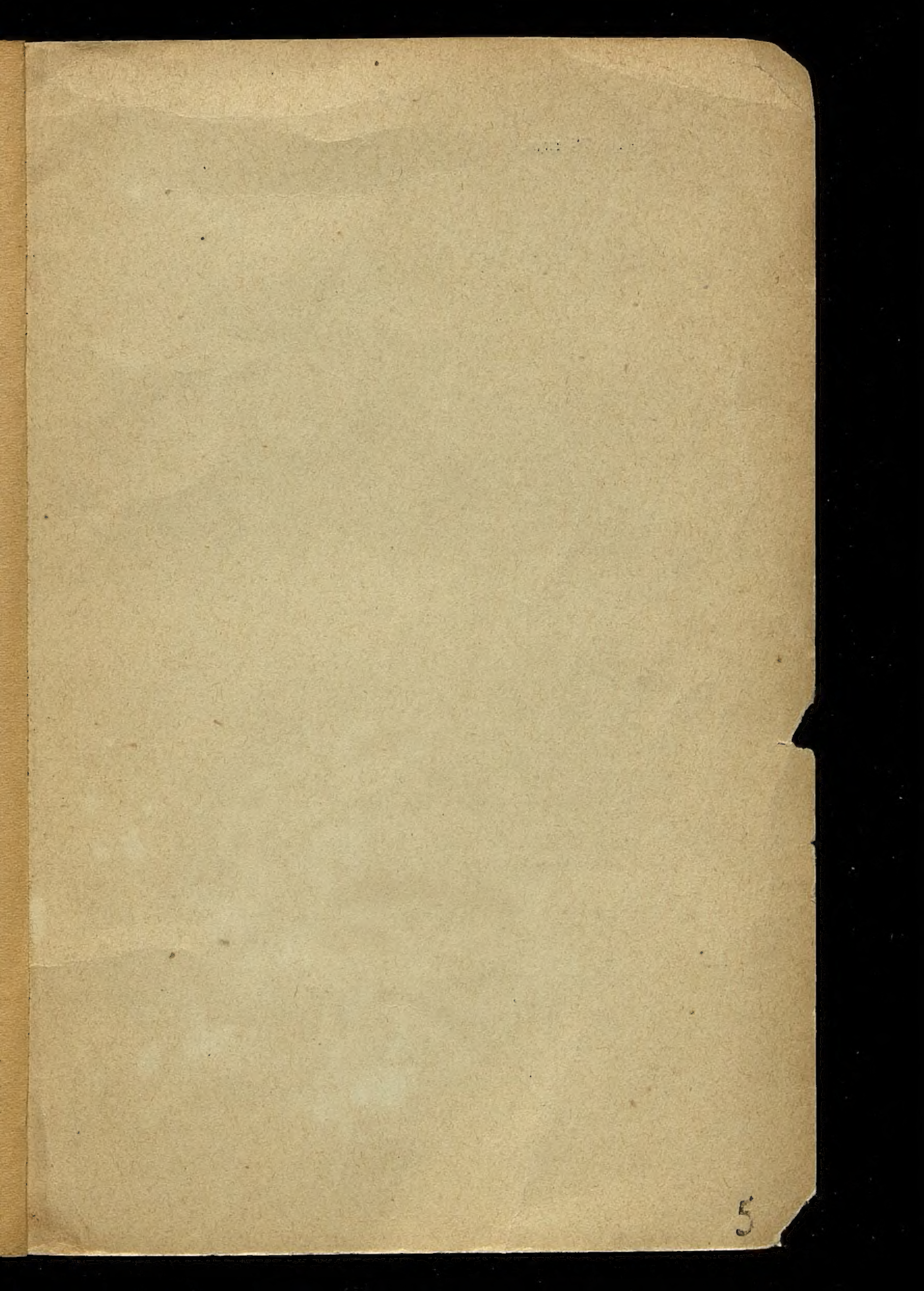
[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 12.

Редактор *Кадер Я. М.*
Технический редактор *Еремеева Е. Н.* Корректор *Аркушенко В. И.*

Г07347. Подписано к печати 11.5.46. Изд. № 548. Объем $3^1/_2$ п. л.
3,2 уч-изд. л. В 1 п. л. 38 000 тип. зн. Зак. 121.

1-я типография Управления Военного Издательства МВС СССР
имени С. К. Тимошенко

Отпечатано с матриц в 4-й типогр. Воениздата МВС СССР. Зак. 894.

Цена 75 коп.